

ЕВРОПЕЙСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

события, оценки, прогнозы

Выпуск 70(86)
2023

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК (ИНИОН РАН)

Отдел Европы и Америки ИНИОН РАН

Редакционный совет:

Академик В.Г. Барановский

Генерал-майор в отставке В.З. Дворкин

Д-р полит. наук Д.В. Ефременко

Д-р полит. наук А.И. Никитин

Канд. ист. наук А.В. Загорский

Главный редактор – канд. ист. наук Т.Г. Пархалина

Ответственный секретарь – Т.В. Арзаманова

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77–2172

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Евгений Гонтмахер</i>	
Социальные вызовы российскому будущему	3
<i>Юрий Надточей</i>	
Повторение пройденного, или Послесловие к саммиту НАТО в Вильнюсе	12
<i>Валерий Михайленко</i>	
Факторы, влияющие на динамику отношений Россия – ЕС: ценности, интересы и геополитика	26
<i>Олег Каринцев</i>	
Европейский союз накануне выборов в Европарламент 2024 г.	38

СОЦИАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ РОССИЙСКОМУ БУДУЩЕМУ

*Евгений Гонтмахер,
доктор экономических наук, профессор*

Аннотация. В статье анализируется комплекс причин, вследствие которых в России не произошло обвального падения экономики после введения многочисленных пакетов санкций со стороны ЕС, США и ряда других стран (после 2014 г. и в особенности после начала Россией СВО на территории Украины в феврале 2022 г.). Вместе с тем исследуются препятствия для экономического роста страны, которые возникли вне зависимости от рамок геополитического противостояния между РФ и Западом. Анализу подвергнуты системные угрозы, возникшие на пути социально-экономического развития страны.

Ключевые слова: Россия; экономика; санкции; импортозамещение; «человеческий капитал»; демографические проблемы.

Keywords: Russia; economy; sanctions; import substitution; “human capital”; demographic challenges.

I

После введения беспрецедентных по масштабу санкций против России многие эксперты прогнозировали обвал российской экономики. Так, в частности, ожидалось по итогам 2022 г. падение ВВП не менее 5%. Однако этого не произошло: российский ВВП снизился, согласно данным Росстата, всего на 2,1%.

Не произошло и социальной катастрофы, основными признаками которой являются: гиперинфляция, дефицит товаров в магазинах и банковская паника (массовое снятие вкладчиков денег со своих счетов). Так, инфляция по итогам 2022 г. составила 12%, что немало, но недостаточно для возникновения гиперинфляции, что подтверждается снижением темпа роста цен в первые месяцы 2023 г. Объем средств, хранящихся на банковских счетах, практически не изменился, дефицита товаров в магазинах не наблюдалось.

Такой результат санкционной политики в отношении России связан с несколькими объективными обстоятельствами:

1. Наиболее чувствительные для российской экономики санкции, касающиеся ограничения на экспорт нефти, газа, угля, древесины, а также стали вводились в действие постепенно и начали сказываться на доходах бюджета только в первом квартале 2023 г.
2. Россия достаточно активно использовала каналы так называемого параллельно импорта для завоза в страну необходимых товаров, в том числе двойного назначения.

3. За счет значительных финансовых резервов, накопленных в предыдущие годы, были произведены дополнительные выплаты семьям с детьми, пенсионерам и другим социально уязвимым группам.

4. Население России в своей массе весьма адаптивно к постепенному снижению его реальных доходов, которое происходит уже практически десять лет. Необходимо учитывать, что за 2000–2008 гг. реальные доходы населения, благодаря быстрому росту цен на российский сырьевой экспорт, увеличились в 2,3 раза, а их накопленное падение за 2014–2022 гг. составляет в среднем 15%. Сопоставление этих цифр во многом объясняет социальную устойчивость российского общества.

Однако перспективы развития социально-экономической ситуации в 2023 г. не столь оптимистичны. Дело в том, что в этом году санкционное давление резко усилилось, во-первых, из-за вступления в действие в полном объеме ограничительных мер в отношении России и, во-вторых, принятия очередных санкционных пакетов.

Но главные риски заключаются в том, что начинают сказываться технологические последствия разрыва экономических связей с наиболее развитыми странами: остро не хватает комплектующих, которые не производятся на территории России, и ввоз их по каналам «параллельного импорта» становится все более затрудненным и дорогостоящим.

При этом так и не происходит сколько-нибудь заметного импортозамещения, о выдвигении которого в центр экономической политики было заявлено в 2014 г. Об этом, в частности, пишут в своем недавнем докладе эксперты Центрального банка России (это не официальная позиция регулятора). С точки зрения процессов структурной трансформации, текущая ситуация в российской экономике «с высоты птичьего полета» выглядит, как они пишут в бюллетене «О чем говорят тренды», следующим образом: «в целом трансформация больше затронула географию экспортных и импортных поставок, чем их физический объем»; бизнес перестроил производственные процессы и логистические цепочки, пусть зачастую ценой возросших затрат, «при этом процессы замещения импорта внутренним производством происходят не так быстро». «Технологический вызов пока не приобрел большую остроту, однако со временем будет усиливаться», – делается вывод в этом докладе¹.

Эти выводы подтверждают и данные официальной статистики. Вот как изменилась товарная структура российского экспорта и импорта за санкционные годы (табл. 1):

---

¹ См.: URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/45133/bulletin_23-05.pdf. (дата обращения: 26.09.2023).

Таблица 1

Доля в общей стоимости экспорта и импорта, %	Экспорт		Импорт	
	2013 г.	2021 г.	2013 г.	2021 г.
Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (кроме текстильного)	3,1	7,3	13,7	11,6
Минеральные продукты	71,5	56,2	2,2	1,9
Продукция химической промышленности, каучук	5,9	7,7	15,9	18,1
Металлы, драгоценные камни и изделия из них	10,5	16,8	7,2	7,3
Машины, оборудование, транспортные средства	5,5	6,6	48,5	49,3

По данным Росстата: https://rosstat.gov.ru/statistics/vneshnyaya_torgovlya

К этому надо добавить, что доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в валовом внутреннем продукте Российской Федерации за эти же годы практически не изменилась. Если в 2013 г. она составляла 21,0% ВВП, то в 2022 г. – 22,6%¹.

Как видно, никакого реального «импортозамещения» не произошло. Как Россия занимала в мировой экономике минерально-сырьевые ниши до введения западных санкций и провозглашения политики «импортозамещения» в 2014 г., так и несколько лет спустя, накануне 24 февраля 2022 г., эта ситуация и осталась. Критическую часть товаров высоких степеней обработки, в том числе технологии и оборудования для добычи тех же нефти и газа, мы как покупали, так и продолжаем покупать.

В среднесрочной перспективе, если нынешние тренды не изменятся, произойдет качественное технологическое отставание целых отраслей, которые тем самым не смогут производить конкурентоспособную даже для азиатских рынков продукцию. Стратегия импортозамещения, учитывая ограниченную технологическую, инновационную и человеческую базу страны, не сможет остановить этот процесс. Тем самым российская экономика рискует потерять статус среднеразвитой, что неизбежно скажется на уровне жизни большинства населения.

И тут мы видим системные угрозы, которые действительно ставят под сомнение само существование России как устойчиво развивающейся страны.

В их числе на первом месте критическое состояние того, что в экономической науке называется «человеческим капиталом».

¹ См.: URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11186>. (дата обращения: 26.09.2023).

II

Начнем с самого простого. Из 145 миллионов человек населения России 82 миллиона находятся в трудоспособном возрасте. Из них занято в экономике 72 миллиона человек. Чем же эти люди занимаются?

Начнем с того, что условно можно назвать «обязательной программой», т.е. очень важными видами занятости, но которые не создают профиль любой сколько-нибудь крупной страны, желающей быть полноценной частью мировой экономики (табл. 2):

Таблица 2

Вид занятости	Численность занятых, миллионы человек (ноябрь 2022 года)
Образование	5,0
Здравоохранение и социальные услуги	3,9
Культура, спорт, организация досуга и развлечений	0,8
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение	3,2
Финансовая и страховая деятельность, деятельность по операциям с недвижимым имуществом	1,5
Транспортировка и хранение	2,6
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	2,9
Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	0,4

По данным Росстата: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-12-2022.pdf>

Получается, что на так называемый «реальный сектор» экономики остается около 50 млн человек. Может ли такая численность рабочих рук обеспечить «импортозамещение», т.е. организацию производства внутри страны всех основных товаров и услуг, необходимых для удовлетворения потребительского спроса российского населения в соответствии с общественными представлениями XXI века? Можно ли при этом выходить на мировые рынки с конкурентоспособной продукцией, которая приносит значимые экспортные доходы?

Положительный ответ на оба эти вопроса содержит неразрешимое противоречие. Для «импортозамещения» по десяткам тысяч товарных позиций просто физически не хватит рабочих рук, хотя бы потому что эти руки будут нужны прежде всего в тех точках, которые должны формировать российское участие в мировой экономике.

Эти несложные цифры однозначно указывают на невозможность политики экономического изоляционизма, словесным эвфемизмом которого и является так называемое «импортозамещение». Две крупнейшие экономики мира – США и Китай – обеспечивают свое развитие через увеличение открытости, наращивания не только экспорта и импорта готовых

товаров и услуг, но и вхождения в глобальные цепочки создания прибавочной стоимости. Такая политика строится на формировании специализации экономики для насыщения собственного внутреннего рынка и выхода на достойные позиции в мировом хозяйстве.

Причин такого положения много, но одна из основных – плачевное состояние наличного российского человеческого капитала. И дело здесь не только в образовании и здравоохранении (о чем ниже), но и в условиях для развития предпринимательства.

В 2022 г. в малых и средних предприятиях, имеющих юридическое лицо, было занято 12,5 млн человек по сравнению с 13,7 млн в 2017 г. На этом фоне рост почти до 6 миллионов численности самозанятых говорит, в том числе и о том, что вступать во взаимодействие с государством, оформляя юридическое лицо, зачастую токсично и не позволяет наращивать масштабы предпринимательской деятельности¹. Поэтому неслучайно с 2008 г. средняя занятость на одном предприятии сектора малого и среднего предпринимательства сокращалась. К 2022 г. она составила примерно 3,22 человека на предприятие, что меньше аналогичного показателя для 2008 г. примерно на 2 человека в расчете на предприятие². И, наконец, необходимо отметить, что доля малого и среднего бизнеса в производстве ВВП России составляет всего лишь 20%³. Сравним со странами с высокотехнологичной, а значит и высокопроизводительной экономикой (табл. 3):

Таблица 3

Страна	Доля малого и среднего предпринимательства в общей численности занятых, %	ВВП на душу населения, по паритету покупательной способности (ППС), по данным Международного валютного фонда, долл. США, оценка за 2021 г.)
США	50–52	69 231
Германия	55–57	58 328
Великобритания	53–56	50 338
Япония	52–55	44 739
Россия	20	30 850

Источники: <https://torise.ru/osnovnye-pokazateli-msp-po-stranam/>; <https://www.iep.ru/files/RePEc/gai/wpaper/wpaper-2023-1262.pdf>; <https://top-rf.ru/places/157-rejting-stran-po-vvp-na-dushu-naseleniya.html>

Таким образом, с одной стороны, так и не произведя «импортозамещения», Россия пока не может создать благоприятные условия для занятости в наиболее передовых с точки зрения производительности труда, конкурентоспособности на внутреннем и мировом рынке сферах деятельности. Это предопределяет архаизацию структуры российской экономики и, в конеч-

¹ См.: URL: <https://www.iep.ru/files/RePEc/gai/wpaper/wpaper-2023-1262.pdf> (дата обращения: 22.09.2023).

² Там же.

³ Там же.

ном счете, массовую невозможность обеспечить достойным доходом работающих людей и их семьи.

Но если бы причина такого бедственного для будущего страны положения заключалась только в отечественном токсичном бизнес-климате, о котором говорят даже с самых высоких трибун уже не первое десятилетие! Ситуация намного хуже. Происходит деградация российского человеческого капитала.

III

Российская государственная социальная политика, начиная с 2000-х годов, последовательно формирует у населения иждивенческие настроения. Когда в страну стали поступать сверхдоходы от быстро растущих мировых цен на российские минеральные ресурсы (нефть, газ, металлы и др.), вверх поползли и реальные доходы населения. Но это происходило на фоне консервации отсталой структуры экономики, постепенного, но неуклонного процесса ее огосударствления. По оценке Федеральной антимонопольной службы, доля госсектора в экономике перед кризисом 1998 г. оценивалась примерно в 25%, в 2008 г. – уже в 40–45%, к 2013 г. – превысила 50% ВВП¹. Тем самым для упомянутого выше малого и среднего предпринимательства не осталось сколько-нибудь значимого места (о чем подробно сказано выше), что напрямую повлияло на формирование слабой мотивации людей к занятию бизнесом.

«Принесенные ветром» деньги от экспорта природных ресурсов пошли, в частности, и на создание мощной системы прямых государственных трансфертов самым разнообразным группам населения. С одной стороны, это был позитивный тренд из-за повышения оплаты труда бюджетников, денежного довольствия военнослужащим и полицейским, введения целого ряда мер социальной защиты (материнский капитал, пособия бедным семьям с детьми и т.п.). Это позволило снизить уровень бедности (используя критерий «прожиточного минимума») с 29% в 2000 г. до 12,5% в 2010 гг.²

Но, с другой стороны, нефтегазовые сверхдоходы не пошли на запуск экономических реформ, которые должны были освободить бизнес от давления со стороны государства. Вместо этого государство, как было отмечено, все более забирало экономическую активность под свой прямой и косвенный контроль. Все это привело к массовому распространению установок патернализма не только среди социально уязвимых групп, но и среди людей трудоспособного возраста, в том числе молодежи.

---

¹ URL: <https://fas.gov.ru/publications/18313>. (дата обращения: 26.09.2023).

² URL: https://ruxpert.ru/Статистика:Численность_населения_России_за_чертой_бедности#По_годам. (дата обращения: 18.09.2023).

К этому негативу примыкает ситуация с инфраструктурой образования и здравоохранения.

Обе эти отрасли по повышению качества «человеческого капитала» и в советское, и в российское время финансировались фактически «по остаточному принципу», несмотря на регулярные официальные декларации о том, что в нашей стране всё делается «для блага человека». Государственные расходы на здравоохранение (включая систему обязательного медицинского страхования) все последние годы колеблются вокруг 3,5% ВВП¹, а на образование – 4% ВВП², что в 1,5–2 раза ниже, чем в странах Организации экономического сотрудничества и развития³. А если сопоставить абсолютные расходы в расчете на душу населения, то, учитывая разницу стоимостного содержания каждого процента ВВП, отставание в расходах на образование и здравоохранение возрастет до нескольких раз.

Системная экономия на инвестициях в «человеческий капитал» приводит к замедлению темпов роста экономики. По подсчетам экспертов, если в 2006–2009 гг. человеческий капитал добавлял росту ВВП 0,9 п.п., то в 2010–2013 гг. – уже 0,5, а в 2014–2017 гг. – всего 0,4 п.п. В 2018–2019 гг. его среднегодовой вклад в прирост ВВП приблизился к нулю. А в период пандемии вклад человеческого капитала оказался отрицательным – до минус 0,6% ВВП⁴.

При этом, как отмечается Центральным банком, на фоне последствий частичной мобилизации и продолжающегося роста спроса предприятий на труд во многих отраслях усиливается нехватка рабочей силы⁵. Ситуация обостряется тем, что из-за низкого качества человеческого капитала сейчас в российской экономике наблюдается острейший дефицит квалифицированной рабочей силы – от рабочих и инженеров до врачей и учителей. Дошло до того, что министр просвещения С. Кравцов из-за нехватки учителей в региональных школах предложил организовать обучение учителей для 5–9-х классов в колледжах. Чтобы учить детей, достаточно среднего профессионального образования (СПО), заявил он⁶.

---

¹ URL: https://zdrav.expert/index.php/Статья:Расходы_на_здравоохранение_в_России#:~:text=В%202020%20году%20Россия%20тратит,содержание%20чиновников%20и%20аппарата%20госвласти. (дата обращения: 26.09.2023).

² URL: [https://www.kommersant.ru/doc/5192784#:~:text=Расходы%20на%20образование%20в%20России,сборнике%20«Индикаторы%20образования»%20\(](https://www.kommersant.ru/doc/5192784#:~:text=Расходы%20на%20образование%20в%20России,сборнике%20«Индикаторы%20образования»%20() (дата обращения: 24.09.2023).

³ URL: [http://www.demoscope.ru/weekly/2020/0859/barom02.php#:~:text=В%20странах-партнерах%20ОЭСР%20доля,%25%20и%2057%25%20соответственно\);](http://www.demoscope.ru/weekly/2020/0859/barom02.php#:~:text=В%20странах-партнерах%20ОЭСР%20доля,%25%20и%2057%25%20соответственно);) <https://www.oecd.org/education/Russian-Federation-EAG2014-Country-Note-russian.pdf> (дата обращения: 26.09.2023).

⁴ URL: https://www.ng.ru/economics/2023-05-29/1_4_8735_people.html (дата обращения: 26.09.2023).

⁵ URL: <https://cbr.ru/press/keypr/> (дата обращения: 26.09.2023).

⁶ URL: <https://argumenti.ru/society/2023/06/839060.> (дата обращения: 26.08.2023).

В строительной отрасли нехватка кадров оценивается в 200 тыс. человек, в том числе по таким профилям, как специалисты по технадзору, инженеры, архитекторы мастер-плана. **Согласные работать на швейном производстве в России кандидаты нашлись только в Индии¹**. И таких частных примеров очень много, что только подтверждает вывод о том, что дефицит рабочей силы, усиливаемый массовой низкой ее квалификацией, – еще один признак деградации российского «человеческого капитала».

IV

Такое тревожное положение требует осмысления на стратегическом уровне из-за того, что ситуация с «человеческим капиталом» создает критические риски для будущего России при любом изменении внешнеполитической рамки.

Эти риски:

1) создают непреодолимые барьеры для успешного инвестиционного процесса, а значит и обеспечения сколько-нибудь значимого экономического роста;

2) быстро подводят бюджетный процесс к той точке, когда придется выбирать между:
а) продолжением патерналистской социальной политики с угрозой неуправляемого разгона инфляции или б) сокращением социальных расходов, что еще более усилит деградацию человеческого капитала и серьезно повысит градус недовольства населения своим будничным существованием;

3) еще более обостряют демографические проблемы России, не позволив (в оптимистическом варианте) повысить суммарный коэффициент рождаемости² и показатель ожидаемой продолжительности жизни при рождении³;

---

¹ URL: <https://media-mig.ru/industry/odnimi-iz-samyh-deficitnyh-na-rossiiskom-rynke-tru/#:~:text=Общая%20нехватка%20работников%20в,восполнения%20которых%20внедряются%20разные%20решения.> (дата обращения: 02.09.2023).

² Суммарный коэффициент рождаемости – сумма возрастных коэффициентов рождаемости, рассчитанных для возрастных групп в интервале 15–49 лет. Этот коэффициент показывает, сколько в среднем детей родила бы одна женщина на протяжении всего репродуктивного периода (т.е. от 15 до 50 лет) при сохранении по возрастной рождаемости на уровне того года, для которого вычисляется показатель. Его величина, в отличие от общего коэффициента рождаемости, не зависит от возрастного состава населения и характеризует средний уровень рождаемости в данном календарном году. См.: URL: [https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/mdemo2.htm#:~:text=Суммарный%20коэффициент%20рождаемости%20-%20сумма%20возрастных,протяжении%20всего%20репродуктивного%20периода%20\(т.\).](https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/mdemo2.htm#:~:text=Суммарный%20коэффициент%20рождаемости%20-%20сумма%20возрастных,протяжении%20всего%20репродуктивного%20периода%20(т.).) (дата обращения: 26.09.2023).

³ Ожидаемая продолжительность жизни при рождении – число лет, которое в среднем предстояло бы прожить человеку из поколения родившихся при условии, что на протяжении всей жизни этого поколения по возрастной смертности останется на уровне того года, для которого вычислен показатель. См.: URL: ([https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/mdemo2.htm#:~:text=Суммарный%20коэффициент%20рождаемости%20-%20сумма%20возрастных,протяжении%20всего%20репродуктивного%20периода%20\(т.\).](https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/mdemo2.htm#:~:text=Суммарный%20коэффициент%20рождаемости%20-%20сумма%20возрастных,протяжении%20всего%20репродуктивного%20периода%20(т.).)) (дата обращения: 26.09.2023).

4) приведет к дальнейшему стягиванию наиболее активной и молодой части населения в городах-миллионниках (прежде всего в Москве и ближнем Подмосковье, Санкт-Петербурге) с еще большим обезлюживанием восточных регионов России, а также территорий между упомянутыми городами-миллионниками. Это создает критические диспропорции в пространственном развитии страны.

Именно поэтому сейчас назрела необходимость разработки и реализации стратегии возвращения России в глобальные цепочки производства прибавленной стоимости, что невозможно без глубокого осмысления будущего страны в миросистеме XXI века.

ПОВТОРЕНИЕ ПРОЙДЕННОГО, ИЛИ ПОСЛЕСЛОВИЕ К САММИТУ НАТО В ВИЛЬНЮСЕ

Юрий Надточей,

старший научный сотрудник отдела Европы и Америки ИНИОН РАН

Аннотация. В статье анализируются итоги саммита НАТО в Вильнюсе (июль 2023 г.), дается характеристика его результатов, решений, дальнейших планов действия руководства Североатлантического альянса и входящих в него стран. В связи с тем, что основным лейтмотивом саммита стали проблемы интеграции в НАТО новых членов блока (Финляндии, Швеции, а в перспективе, возможно, и Украины), основной акцент сделан на обстоятельном анализе исторических условий, в которых расширение НАТО стало возможным. Сравняются особенности этого процесса в прошлые годы и сегодня; даются оценки новой стратегии НАТО в условиях конфликта на Украине, обозначаются пределы возможностей ее реализации с учетом имеющегося у альянса и его членов военного потенциала; дается оценка вероятности эскалации российско-украинского конфликта и возможности его перерастания в более крупный конфликт; отмечаются недостатки стратегического мышления НАТО, сконцентрированного преимущественно на логике сдерживания противников (России, Китая) при отсутствии более широкого и комплексного видения путей дальнейшего взаимодействия с ними в более отдаленной перспективе.

Ключевые слова: отношения НАТО–Украина; расширение НАТО; конфликт России и Украины; военные расходы НАТО; отношения НАТО – КНР.

Keywords: NATO – Ukraine relations; NATO expansion; Russia-Ukraine conflict; NATO military spending; NATO – PRC relations.

Состоявшаяся в Вильнюсе встреча лидеров НАТО (июль 2023 г.), как и ожидалось, прошла без особых сенсаций. Церемониал и протоколы были соблюдены, текст финального коммюнике согласован, программа полностью выполнена. За исключением некоторых неожиданностей, саммит оказался вполне дежурным мероприятием с предсказуемым финалом. Вместе с тем он все же заслуживает внимания хотя бы потому, что это уже вторая встреча в верхах, которая прошла на фоне продолжающегося открытого вооруженного конфликта в Европе, признаков затухания которого пока не наблюдается. Для НАТО он менее чем за два года превратился из периферийной темы в центральный вопрос повестки дня, перекодировав динамику политических нарративов как внутри самого Запада и его коллективных структур, так за его пределами. Отныне этот конфликт скрыто или явно проходит красной нитью по всему перечню обсуждаемых в НАТО разноплановых тем, находя отражение в многочисленных документах, принимаемых органами альянса.

Конечно, само по себе это обстоятельство не отменяет накопленный альянсом достаточно богатый опыт принятия решений в условиях «военного времени» (вспомним конфликты на Балканах) или приближенных к нему по своим параметрам чрезвычайных происшествий (например, терактов в США 11 сентября 2001 г.). Во всех этих случаях нарушался

привычный ход событий, заставлявший лидеров блока действовать незамедлительно, находя быстрые, нетривиальные, порой ошибочные и во всех смыслах дорогостоящие (Косово, Афганистан, Ливия), но все же способы реагирования на кризисные ситуации. В то же время необходимо осознавать, что во всех описанных случаях альянс принимал решения, имея за спиной непревзойденный потенциал и качественное военно-техническое превосходство над противником, кто бы он ни был – боснийские сербы, талибы или наемники М. Каддафи. Довольно продолжительное время натовская доктрина формировалась в максимально благоприятных условиях «однополярности», где риски большой войны с сопоставимым по силе визави после распада СССР и роспуска ОВД практически полностью нивелировались. Украинский же кейс существенно девальвирует подобную сложившуюся практику концептуального строительства, поскольку речь идет уже не о мелком и непродолжительном кризисе, а о, по всей видимости, длительном конфликте средней интенсивности, который имеет в своей основе совершенно иную логику нежели конфликты прошлых лет.

На фоне противостояния Москвы и Киева политические лидеры НАТО вернулись к долго вызревавшему, но по целому ряду причин отложенным, решениям, определяющим будущее блока. Его медлительная бюрократическая машинерия ускоряется, выполняя текущие и держа в уме будущие задачи. При этом, памятуя изречение о том, что «политика коренится в истории», решить их без работы над ошибками прошлого альянсу все же вряд под силу. Ему еще долго предстоит искать выход из ловушек собственных противоречивых стратегических установок минувших лет, которые заслуживают более обстоятельного анализа.

Аккомодация против кооптации

На протяжении многих лет, если не последних трех десятилетий, главным лейтмотивом Североатлантического альянса выступала адаптация к новым реалиям, причем реалии эти постоянно менялись, заставляя руководство альянса и его членов чутко, но при этом ситуативно, реагировать на любые сколь-нибудь значимые изменения внешней среды, ее способности хотя бы в какой-то мере поколебать внутреннюю энтропию НАТО. Такая приверженность практикам аккомодации (приспособления) к новым реалиям зачастую шла вразрез с проактивными действиями альянса, нацеленными на рост и развитие, включая прием в свои ряды новых членов и расширение сети партнеров (кооптация), встраиваемых в широкую евроатлантическую повестку. О том, что к числу кооптируемых стран относились в том числе и весьма неоднородные страны постсоветского пространства, способные создать немало

внутренних и внешних проблем «коллективному Западу», американские и западноевропейские лидеры предпочитали не думать, откладывая решение острых вопросов «на потом».

На протяжении 1990-х и начала 2000-х годов альянс был вполне способен сочетать эти две практики между собой, не позволяя ни одной из них пошатнуть внутреннее равновесие в организации. Противоречия между аккомодацией и кооптацией до поры до времени относительно успешно купировались, чему способствовала вполне благоприятная для США и европейского сообщества международная обстановка. Еще в конце 1980-х, на исходе холодной войны Запад делал ставку на перевод бывших противников в разряд будущих партнеров, через режимную трансформацию их политических систем по принципу: «от социализма к демократии, от плана к рынку». При этом, что характерно, какого-либо существенного сопротивления со стороны бывших геополитических оппонентов Запада (в лице России и Китая) не наблюдалось. Скорее, напротив, они проявляли готовность к кооптации в западный мир через различные форматы партнерства с развитыми странами и организациями (вспомним тот же Совместный постоянный совет Россия – НАТО образца 1997 г.). Как следствие, идейные концепции наподобие «неразделенной Европы», «пространства безопасности от Ванкувера до Владивостока» и других концептуальных схем, какое-то время (пусть и очень непродолжительное) воспринимались по обе стороны Атлантики как значительно нечто большее, чем простой набор лозунгов¹.

Внутри же самого сообщества евроатлантических демократий, воодушевленного победой в холодной войне, господствовала атмосфера оптимизма. Позитивный настрой и консенсус среди членов альянса создавал существенное пространство для маневра, позволявшее синхронно осуществлять замыслы по функциональной трансформации и реорганизации альянса, наряду с его географической экспансией к востоку от Одера. Этими обстоятельствами объяснялась и относительно мягкая кооптация в НАТО стран Вишеградской группы (1999), стран Балтии (2004) и некоторых балканских стран (2007). Все они, несмотря на объективно имевшиеся препятствия для членства, вступили в альянс без какого-либо существенного внешнего или внутреннего сопротивления, в том числе и со стороны Москвы. Однако к середине 2000-х годов возможностей для подобной синхронизации у НАТО становилось все меньше. Внутри организации все больше нарастали противоречия, обусловленные односторонними решениями ее главной движущей силы – США (упомянем здесь вторжение в Ирак в 2003 г.). В то же время растущие у РФ финансовые возможности придавали российским эли-

---

¹ Данилов Д.А. От Ванкувера до Владивостока: на перекрестках общего пространства безопасности // МЭиМО. – 2012. – № 12. – С. 38–51.

там все больше уверенности в собственных силах. Упреки Запада в «двойных стандартах» и «отказе от равноправного диалога с Россией» стали частью официального российского нарратива как минимум со времени Мюнхенской речи президента России В.В. Путина¹, а то и ранее².

Наследие Бухареста

К 2008 г. расхождение между адаптационными и кооптационными аспектами политики НАТО обозначилось настолько рельефно, что руководству альянса потребовалась некоторая пауза в принятии важных решений. Она была необходима для переоценки существующих подходов как в отношении дальнейшей трансформации блока, так и применительно к вопросу о его расширении, в том числе на страны бывшего СССР. Окончательно такая пауза была взята в апреле 2008 г. на саммите в Бухаресте, где лидеры стран – участниц блока были вынуждены отложить вопрос о предоставлении Плана действий по подготовке к членству (ПДЧ) для Украины и Грузии. Очевидно, что такое решение было продиктовано стремлением несколько охладить общую международно-политическую ситуацию, нарастающую конфликтность в отношениях как между членами НАТО, конкретно между США и странами так называемой «старой Европы» (Германией и Францией), так и между Россией и альянсом. Осознавая важность последней как партнера, столь необходимого для продолжения затяжной миссии в Афганистане, западные союзники пытались сохранить широкую, но хрупкую антитеррористическую коалицию (в том числе с российским участием). Желание Брюсселя и Вашингтона лишней раз не раздражать Москву в угоду евроатлантическим устремлениям Тбилиси и Киева опиралось на прежний (и, как позже оказалось, ошибочный) опыт, который подсказывал, что в вопросе о приёме в НАТО новых членов главное – не спешить. Заморозка или, по крайней мере, существенное замедление общего процесса расширения НАТО, вызванного не в последнюю очередь результатами мирового финансово-экономического кризиса 2008 г. и сократившимися ресурсными возможностями стран Европы и США, только способствовали такой осторожности.

Помимо этого, заняв выжидательную позицию и временно оставив две бывшие советские республики «в серой зоне», атлантические союзники, как и прежде, надеялись на боль-

---

¹ Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. 10 февраля 2007 г. Мюнхен. Президент России (официальный сайт). – URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> Mode of access: https://www.jwc.nato.int/application/files/2216/6067/2972/20-360_degree_Scenario_Design_and_Development-reduced.pdf (дата обращения: 21.07.2023).

² Богатуров А.Д. Настоящая доктрина // Независимая газета. Дипкурьер. 28.05.2007. – URL: https://www.ng.ru/courier/2007-05-28/13_doctrina.html (дата обращения: 25.07.2023).

шую сговорчивость Кремля в дальнейшем, как это уже было в отношении тех же стран Балтии. Поводом для таких неверных оценок служили и противоречивые сигналы, поступающие от самих российских властей, публично выступавших против расширения НАТО, но при этом не проводивших каких-либо четких красных линий для блока на территории постсоветского пространства¹. Проблема расширения НАТО в диалоге между Россией и альянсом всегда оставалась темой с «двойным дном», полной недомолвок и двусмысленностей. Широкое поле для трактовок и оценок этого процесса всеми заинтересованными сторонами воспринималось ими едва ли не как привычная дипломатическая норма еще с первой половины 1990-х годов.

Неопределенный статус Украины и Грузии мог как успокоить Москву, так и заставить ее действовать на опережение, не допуская членства этих республик в НАТО в перспективе. Принимая во внимание неплохой уровень отношений между альянсом и Россией, сложившийся еще после 2002 г., западные лидеры надеялись на лучший для себя исход событий, чего в итоге не произошло. «Призрак Бухареста» не заставил себя долго ждать, впервые объявившись еще в августе 2008 г. в образе так называемой «пятидневной войны» – короткого, но ожесточенного конфликта между Россией и Грузией. С началом же боевых действий на юго-востоке Украины весной-летом 2014 г. руководство НАТО оказалось поставленным перед очередной дилеммой относительно евроатлантического будущего Украины, однако и на этот раз резкого поворота навстречу Киеву со стороны альянса не последовало: западные союзники по-прежнему не говорили ему ни четкого «да», ни четкого «нет». Неопределенность сохранялась, Вашингтон и Брюссель не спешили полностью сжигать мосты с Москвой, вновь предпочитая занять выжидательную позицию в надежде на урегулирование (а на деле приостановку) конфликта на Донбассе посредством дипломатии в «нормандском» и «минском» форматах. К тому же и сами украинские власти не проявляли в вопросе о членстве их страны в НАТО какой-либо последовательности и не спешили с официальной заявкой на вступление в альянс ни до, ни после начала конфликта 2014 г., ни даже после завершения его горячей фазы с подписанием Комплекса мер по выполнению Минских соглашений². За долгие годы сотрудничества между Украиной и НАТО такое противоречивое поведение украинских властей расценивалось Вашингтоном и его европейскими союзниками не только как вполне привычное для Киева, но и вполне комфортное для альянса: ему не приходилось при-

---

¹ Келин А.В. Спокойно негативное отношение к расширению НАТО // Международная жизнь. – 2003. – № 12. – С. 10–22.

² Официальная заявка на вступление Украины в НАТО была подписана президентом В.А. Зеленским только 30 сентября 2022 г.

нимать каких-либо судьбоносных и необратимых решений, способных поставить на карту будущее евро-атлантических демократий и мира в Европе.

Начиная с февраля 2022 г. вопрос о дальнейшем выборе странами НАТО модели поведения в российско-украинском конфликте все еще остается открытым. Стратегического мышления, нацеленного на конечный результат, здесь явно не просматривается, пока лишь очевидны попытки атлантических союзников следовать прежней линии, играя в старую пьесу под названием «Украина в НАТО» и максимально затягивая заключительный акт с предоставлением Киеву полноправного членства. Логика такого поведения союзников довольно очевидна: теперь им приходится работать с воюющей страной, имеющей территориальные споры не просто с крупным соседом, а великой ядерной державой – Российской Федерацией. И если в 2008 г. потенциальное решение о предоставлении Киеву «плана действий по подготовке к членству» (ПДЧ) могло вызвать у Москвы разве что плохо скрываемое возмущение и раздражение, то последствия такого решения в 2023 г. могут быть куда более тяжелыми и непредсказуемыми (причем для всех вовлеченных и многих не вовлеченных в конфликт сторон).

Вполне объяснимое решение альянса не приглашать Украину в свои ряды, озвученное в ходе вильнюсской встречи в верхах, безусловно, будет сопровождаться различными программами компенсации Киеву упущенной выгоды членства. Они будут преподноситься как важные шаги навстречу украинским партнерам, заслужившим входной билет в круг западных демократий, но позже. Пока же союзники намерены ограничиваться предоставлением военной и прочей помощи, масштабы которой, очевидно, будут только нарастать. Впрочем, в этом особых новшеств саммит не преподнес, поскольку спецпрограмма под названием «всеобъемлющий пакет помощи Украине» реализуется еще с 2016 г. Начиная с весны 2022 г. она существенно интенсифицировалась, но качественных изменений не обрела: пакет по-прежнему включает в себя разные меры вспомогательного содействия – от медицинских материалов и топлива до средств разминирования, радиационной, химической и биологической защиты (РХБЗ)¹.

Главные же каналы помощи в виде поставок вооружений, боевой техники и боеприпасов для ВСУ проложены за пределами НАТО как единой структуры и вполне эффективно работают на уровне двусторонних связей Украины с теми или иными членами альянса в «формате “Рамштайн”» и на иных площадках. Согласно наблюдателям, заявление о предоставлении особых гарантий безопасности Киеву, сделанное лидерами стран «группы семи» на

---

¹ Relations with Ukraine. NATO – Homepage. – available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_37750.htm#support (date of access: 27.07.2023).

полях саммита в Вильнюсе, помимо всего прочего подтверждает намерения западных союзников добиться рутинизации военной поддержки, сделав ее нечувствительной к внутривнутриполитическим и электоральным колебаниям в тех или иных странах НАТО¹.

Стратегия неопределенности: возможные исходы

Утверждения о том, что конфликт между Киевом и Москвой является только лицевой стороной между системным, многогранным и многокомпонентным противостоянием между Россией и «коллективным Западом», уже давно стали банальностью и клише, причем как на уровне публицистики и политической аналитики, так и на уровне официальной дипломатии. Многочисленные эксперты и обозреватели говорят о «войне на истощение»², масштабы которой выходят за грань российско-украинского конфликта и охватывают разные сферы противоборства между союзами либеральных демократий и теми, кто им противостоит – условным «коллективным не-Западом»³. Подобная мысль красной нитью проходит и через текст принятого на встрече в Вильнюсе финального коммюнике, выдержанного не только в анти-российских, но и, отчасти, в антикитайских тонах.

Тем не менее свидетельства в пользу того, что западный мир отказался от кооптации этих стран в ведомые Западом многосторонние структуры, мирные проекты или инициативы выявились еще задолго до июля 2023 г. Окно компромиссов с ними (особенно с Москвой) закрывалось постепенно, но, как выяснилось, довольно последовательно, что подтвердил еще саммит НАТО в Мадриде, состоявшийся за год до встречи в Вильнюсе. Озвученные на нем решения, включая текст новой стратегической концепции, хотя и отличались жесткостью формулировок, но все еще оставляли некоторое пространство для диалога: атлантические союзники не только декларировали готовность противодействовать Москве, но и фактически сопровождали ее периодическим зондажем российских позиций по Украине на предмет возможности их смягчения, хотя бы посредством «телефонной дипломатии»⁴. Решения, принятые на саммите в Вильнюсе, такого пространства уже не оставляют, акцент все

---

¹ Schwartz F. Paul J., Foy H. G7 unveils long-term security commitments for Ukraine // Financial Times. July 12, 2023. – available at: <https://www.ft.com/content/361bc95f-4198-4f4c-969e-35c4a4e9aee8> (date of access: 27.07.2023).

² Why Ukraine may be choosing a war of attrition. Economist. – available at: <https://www.economist.com/europe/2023/08/03/why-ukraine-may-be-choosing-a-war-of-attrition> (date of access: 30.07.2023).

³ См. например, Коргунов А. В. Консолидация Запада и асимметричная биполярность: рабочая тетрадь № 69 / 2022. Российский совет по международным делам (РСМД). – М., 2022. – available at: <https://russian-council.ru/papers/RIAC-West-Paper69ru.pdf> (date of access: 01.08.2023).

⁴ Ярким примером здесь можно назвать президента Франции Э. Макрона, который, согласно данным на сайте Кремля, с начала российской военной операции на Украине общался с Путиным по телефону в общей сложности 14 раз, потратив на это более 100 часов. РБК. 04.02.2023. – available at: <https://amp.rbc.ru/rbcnews/politics/04/02/2023/63de16159a7947934375d65d> (date of access: 01.08.2023).

больше делается на «войне до победного конца»¹, хотя ее параметры и формы все еще не до конца определены. Западные лидеры предпочитают об этом не говорить.

О потенциальном прямом конфликте между Россией и НАТО как в контексте Украины, так и в более широком аспекте, сегодня если и можно вести речь, то только с опорой на вероятностный подход и с определением возможных сценариев. При желании таковых можно выделить достаточно большое количество, но более-менее реалистичными представляются всего лишь два.

Первый сценарий можно обозначить как базовый. Содержательно он подразумевает затягивание конфликта путем принятия НАТО логики позиционного противостояния, дальнейшего сплочения членов альянса «вокруг флага», но при сохранении усилий, нацеленных на минимизацию рисков прямого конфликта с Россией. Такой ход событий представляется наиболее вероятным и близким к действительности, хотя выбор наиболее предсказуемого конфликтного пути не означает легкости его прохождения, учитывая, что современный западный мир претерпел значительные изменения и, в отличие от тех же 90-х годов прошлого века, далеко не всегда и не во всем готов следовать в русле повестки дня, определяемой в США или ведущих европейских столицах (Париже, Берлине, Лондоне). Все большую роль в НАТО начинают играть страны «второго эшелона» (Турция, Венгрия, Польша), желающие формировать эту повестку наравне с его старожилками из Западной Европы и Северной Америки. Они могут как тормозить, так и, напротив, лоббировать те или иные инициативы внутри НАТО по самому широкому кругу вопросов, включая политику расширения блока, причем не только восточнее Буга. Трудности со вступлением в ряды альянса таких, казалось бы, «беспроблемных» и давних его партнеров, как Швеция и Финляндия, эту тенденцию наглядно подтвердили. НАТО, конечно, в состоянии довести до логического конца свой большой проект под названием «расширение», приняв в ряды блока тех еще немногих из оставшихся вне его периметра стран Европы (например, отдельные страны Западных Балкан), но дальнейшее продвижение альянса на Восток будет затруднено.

Альянс, несомненно, может, как показал саммит в Вильнюсе, и продолжить развивать глобальную сеть партнерств в рамках инициативы Partnerships Across the Globe, привлекая к участию в своих проектах ряд государств Азиатско-Тихоокеанского региона (Южную Ко-

---

¹ Politi J. and Fedor L., Pickard J. Joe Biden says US will provide Ukraine funding for 'as long as it takes' <https://www.ft.com/content/ebe3fb32-ec99-4a9a-a757-51e2203223be> // Financial Times. July 09, 2023. – available at: <https://www.ft.com/content/361bc95f-4198-4f4c-969e-35c4a4e9aee8> (date of access: 27.07.2023).

рею, Японию, Австралию и Новую Зеландию)¹. Однако сам по себе этот факт не будет означать полного сопряжения систем коллективной безопасности в Европе и Азии с центром управления в Брюсселе. Если не брать в расчет намерения и возможности Соединенных Штатов и Великобритании, выражающих свою заинтересованность в продолжении блокового строительства в АТР, значительная часть стран – участниц НАТО (в лице стран континентальной Европы) не проявляют в этом деле особой инициативы².

Снижаются побудительные мотивы отдельных членов ЕС и к достижению стратегической автономии от США. Очевидно, что российско-украинский конфликт в какой-то мере даже стимулировал у европейских союзников большую, чем раньше, склонность к зависимости от Вашингтона, породил надежды на его более активное участие в разрешении европейских геополитических кризисов³. Серьезность ситуации, по-видимому, воспринимается европейскими лидерами и как достаточное основание отложить в сторону или по крайней мере сгладить разногласия по поводу размеров индивидуальных взносов в общую корзину коллективной обороны, хотя саммит в Вильнюсе и продемонстрировал тщетность подобных иллюзий. Реализация программ помощи Украине выявила очевидные недостатки и бреши в оборонных возможностях целой группы стран – участниц НАТО, а ограниченность запасов вооружения, военной техники, ее техническое состояние (далекое от боеготового) вновь обострили застарелые проблемы повышения военного потенциала стран, входящих в альянс.

Нельзя сказать, что на пути решения этих проблем союзники не продвинулись вперед. В конечном счете, как подтверждают данные, изложенные в Годовом отчете генерального секретаря НАТО за 2022 г., усилия по достижению целей наращивания оборонных возможностей были значительными. С 2015 г., согласно официальным данным НАТО, количество стран, достигших целевого показателя расходов на оборону в 2% от ВВП, увеличилось с 3 до 7, а стран, превышающих целевой показатель 20% расходов на военные НИОКР, выросло с 7 до 26 из 30 союзников⁴.

---

¹ Relations with partners across the globe. NATO – Homepage. – available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_49188.htm (date of access: 02.08.2023).

² Наглядным примером здесь является позиция Франции, которая выступила против открытия представительства НАТО в Японии из-за возможного обострения отношений с КНР. См.: Lau S., Kayali L. Macron blocks NATO outpost in Japan amid Chinese complaints. Divisions open up over NATO's Asian outreach ahead of leaders' summit in Vilnius // Politico. July 7, 2023. – available at: <https://www.politico.eu/article/emmanuel-macron-block-nato-outpost-japan-china-complaints/> (date of access: 04.08.2023).

³ Dempsey J. Judy Asks: Is European Strategic Autonomy Over? Carnegie Europe. January 19, 2023. – available at: <https://carnegieeurope.eu/strategieurope/88838> (date of access: 04.08.2023).

⁴ Финляндия стала 31-й страной – членом НАТО в 2023 г. и поэтому не включена в эти цифры. См.: The Secretary General's Annual Report 2022. NATO – Homepage. – available at: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2023/3/pdf/sgar22-en.pdf#page=49 (date of access: 07.08.2023).

Вместе с тем, как справедливо признают эксперты, большинство стран НАТО увеличили расходы на оборону в процентах от ВВП, но среди них все еще существует значительное разнообразие. Союзники негласно попадают в одну из трех групп, каждая из которых представляет примерно треть альянса: те, кто уже достигает цели в 2% или почти достиг; те, кто быстро движется к этой цели и рассчитывает достичь ее в ближайшем будущем; и те, которые планируют, но все еще отстают (в настоящее время ниже 1,5%) и вряд ли достигнут цели 2% в ближайшее время¹. Подобная разность потенциалов союзников вряд ли даже отдаленно приблизит их к тому уровню боеспособности, которым НАТО обладала на пике холодной войны.

Естественные ограничители политического, финансового и технологического характера заставят альянс обратиться к более реалистичным, с точки зрения сегодняшнего дня, адаптационно-выжидательным практикам оборонного строительства и стратегического планирования. Здесь не будет места ни простому воспроизводству в современных условиях концентрированной военно-блоковой стратегии времен биполярности, ни масштабным экспериментам по бесконечному «размазыванию» функционала НАТО по непрофильным направлениям, как это было в 90-е годы прошлого века. Наиболее реалистичным представляется вариант с возвращением НАТО к активной обороне, включающей в себя как проактивные (работу с партнерами), так и реактивные действия (укрепление периметра территориальной обороны). Выбрав такой путь, альянс надолго прибегнет к стратегии если не осажденной крепости, то хорошо укрепленного военного лагеря. Главная его стена очевидно будет смотреть на Восток, в сторону России и, возможно, Китая, хотя в отношении последнего формулировки вильнюсского итогового заявления отличаются меньшей жесткостью, оставляя за НАТО право на «открытое конструктивное вовлечение» КНР². Навряд ли эти детали в формулировках означают намерение Запада повторить ситуацию с разрядкой 1970-х годов и не допустить чрезмерного сближения России и Китая. В конечном счете в те времена обе страны находились в совершенно других исторических условиях. Они были явными противниками и по-разному оценивали перспективы своего взаимодействия с США и странами Западной Европы, довольно успешно игравших на противоречиях между Москвой и Пекином.

---

¹ Grand C. Defence spending: sustaining the effort in the long-term. // NATO Review. July 3, 2023. – available at: <https://www.nato.int/docu/review/articles/2023/07/03/defence-spending-sustaining-the-effort-in-the-long-term/index.html> (date of access: 09.08.2023).

² Vilnius Summit Communiqué. Issued by NATO Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Vilnius 11 July 2023. Press Release (2023) 001. Issued on 11 Jul. 2023. – available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_217320.htm (date of access: 11.08.2023).

На рубеже XX–XXI вв. от такой практики западные страны решительно отказались. Более того, во многом благодаря именным их усилиям эти две крупнейшие и ранее закрытые державы Евразии встали на путь капитализма (это не оговорка) и влились в процессы экономической глобализации. За счет подключения России и Китая к многосторонним структурам в области экономики (ВТО) или безопасности (АРФ, АТЭС), целой группе ориентированных на США стран Европы (страны ЦВЕ) или Азии (Южная Корея, Тайвань) удалось в значительной мере нейтрализовать неопределенности соседства с этими евразийскими гигантами. Те же бывшие члены Варшавского договора достаточно беспрепятственно вошли в состав НАТО не только вследствие «слабости» России, как сейчас принято считать, но и по причине того, что Москва осознанно и к выгоде для себя стремилась стать частью кооперативной (а в дальнейшем, возможно, и коллективной) системы безопасности в Европе. Застраховавшись через членство в альянсе, уже имевшего на тот момент тесное партнерство с Россией, бывшие соцстраны могли не опасаться развивать сотрудничество с последней к их обоюдной выгоде. С крахом же самой идеи широкого натоцентризма, подразумевавшей в том числе «встраивание» России в определяемую Западом повестку безопасности, подобный риск обрел для них более осязаемые черты.

Вряд ли готовность западного мира пребывать в длительной осаде, ориентируясь на «подход к обороне на 360°»¹ и ожидая отхода противника, может претендовать на роль полноценной стратегии – по крайней мере стратегии политической. Тем не менее других масштабных проектов долгосрочного мира в Европе и, главное, действенных политических средств его достижения лидеры НАТО пока не озвучивают и открыто не предлагают, чего нельзя сказать о чисто оборонном планировании. Так, согласно озвученным планам, получившим огласку в ходе саммита в Вильнюсе и насчитывающим, по оценкам прессы, более 4 тыс. страниц, руководство альянса намерено значительно увеличить Силы реагирования (NRF) с 40 тыс. военнослужащих до более чем 300 тыс., включая наземные, морские и воздушные подразделения, а также оперативные группы быстрого развертывания. Эти силы будут оснащены тяжелым бронетанковым вооружением, дальнобойными артиллерийскими и ракетными комплексами, а также системами ПВО. Кроме того, НАТО планирует усилить свои «меры сдерживания», направив дополнительные войска в страны Балтии и Восточную

---

¹ Baur M. 360-degree Scenario Design and Development. – available at: https://www.jwc.nato.int/application/files/2216/6067/2972/20-360_degree_Scenario_Design_and_Development-reduced.pdf (date of access: 13.08.2023).

Европу. Для поддержки армий Прибалтики и Польши будут переброшены боевые группы численностью 1000 человек¹.

Обоюдная синхронная милитаризация НАТО и России, в совокупности с деградировавшими механизмами контроля над вооружениями, мерами обеспечения доверия в военной области, а также постоянная игра сторон на повышение ставок в пока еще локальном украинском конфликте неизбежно обостряет дискуссию о другой, причем гораздо более худшей и драматичной альтернативе позиционному противостоянию альянса с Москвой, а именно – прямом военном конфликте между ними. Это **второй возможный сценарий**, сценарий скорее гипотетический.

Пока российские лидеры и их визави в альянсе публично отрицают намерения вступить в открытое вооруженное противоборство. В то же время интенсивность боевых действий на юге и юго-востоке Украины развивается по нарастающей, тогда как арсенал политических и дипломатических средств, способных остановить кровопролитие, только сокращается. Обе стороны постепенно, но совершенно осознанно сужают для себя пути к отступлению: Россия после официального включения в состав Федерации отдельных украинских регионов, а Вашингтон и его союзники после запуска процесса выработки гарантий безопасности Украине, которые, хотя и не обрели внятных очертаний, но в дальнейшем могут оказаться более действенными, чем ранее существовавший Будапештский меморандум. И хотя еще ни одна из стран – участниц НАТО до настоящего времени не высказала готовность сформировать с Украиной полноценный оборонный союз по принципу «один за всех и все за одного», подобные соображения ранее высказывались отдельными лидерами НАТО, в частности, экс-премьером Великобритании Б. Джонсоном. В мае 2022 г. он выступил с инициативой о создании в Центральной и Восточной новой системы политических, экономических и военных союзов с участием Соединенного Королевства, Польши, стран Балтии и Украины². Пока признаков воплощения этой идеи в жизнь не наблюдается, но реализация подобных планов явно повысила бы вероятность конфликта России с «НАТО без НАТО» – в виде коалиции отдельных членов блока, действующих автономно от Брюсселя.

---

¹ Helleman A. NATO Beschliesst neuen plan ++ Schlüsselrolle für Deutschland. Das passiert, wenn Putin uns angreift. Bild. July 12, 2023. – available at: <https://www.bild.de/bild-plus/politik/ausland/politik-ausland/nato-beschliesst-neuen-plan-das-passiert-wenn-putin-uns-angreift-84664622.bild.html> (date of access: 14.08.2023).

² Fubini F. Il piano segreto di Boris Johnson per dividere l'Ucraina da Russia e Ue: il Commonwealth europeo // Corriere Della Sera di 26 mag 2022. – available at: https://www.corriere.it/economia/finanza/22_maggio_26/piano-segredo-boris-johnson-dividere-l-ucraina-russia-ue-commonwealth-europeo-02d3b232-dc6b-11ec-b480-f783b433fe60.shtml?refresh_ce-cp (date of access: 17.08.2023).

Триггером для выхода конфликта за пределы границ Украины, с переводом его из разряда локальных в разряд региональных, могут послужить разные события и действия: провокации со стороны вооруженных формирований, действующих «без флага», или по причине опасных инцидентов с участием летательных аппаратов или морских судов стран, прямо или косвенно вовлеченных в конфликт. В любом случае подобный ход событий, вероятно, заставит конфликтующие стороны действовать по ситуации. Как показала практика, систематические угрозы наказания за переход четко обозначенных «красных линий» в этом конфликте не доказали своей действенности, что, несомненно, усложняет возможности для выдвижения каких бы то ни было адекватных прогнозов его дальнейшего развития.

С трудом поддаются прогнозированию (если поддаются вообще) и возможные масштабы военно-силовых действий, к которым могут прибегнуть Россия и страны НАТО в случае их прямого столкновения на поле боя. По всей видимости, многое будет зависеть от конкретных намерений сторон и их готовности соблюдать принцип пропорциональности и соразмерности в использовании силы. Пока же остается надежда на эффективную работу существующих каналов коммуникации и горячих линий, которые, судя по публичным заявлениям Кремля и Белого дома, используются регулярно и, как хочется надеяться, вносят в их отношения хотя бы некоторый элемент предсказуемости.

* * *

Подобно всем документам, которые когда-либо принимались на ежегодных сессиях НАТО, документы вильнюсской встречи являются не более чем отражением широкого консенсуса среди членов организации. В любом случае их вряд ли можно назвать прорывными и революционными. Скорее они закрепляют тренды, обозначившиеся в блоковой политике НАТО задолго до 2022–2023 гг. Так или иначе, но именно стратегический провал атлантических союзников в отношениях с Россией и Китаем позволил если не преодолеть, то существенно затормозить экзистенциальный кризис НАТО, придав ей дополнительный стимул к развитию в последние пять-семь лет. В этом отношении саммит в Литве акцентировал внимание не столько на будущем, сколько на настоящем, на злободневных проблемах, стоящих перед блоком. Встреча в Вильнюсе в очередной раз обозначила дальнейшую готовность союзников, воодушевленных вновь обретенным внутренним единством, двигаться по намеченному ранее пути пока непрямой, но все более выраженной конфронтации с Москвой и отчасти Пекином. Однако при всем этом саммит не дал исчерпывающих ответов о стратегическом видении образа желаемого будущего «после победы».

Оставляя за рамками вопрос о достижимости этой победы в принципе, если речь идет о конфликте между современными великими державами, все же отметим, что даже локальные конфликты с их участием могут быть успешно завершены только при признании постконфликтного мира как победителями, так и побеждёнными, а это уже вопрос дипломатии. Ей, в отличие от оборонной стратегии, в документах вильнюсской встречи НАТО, к сожалению, отводится заметно меньше места.

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ДИНАМИКУ ОТНОШЕНИЙ РОССИЯ – ЕС: ЦЕННОСТИ, ИНТЕРЕСЫ И ГЕОПОЛИТИКА

*Валерий Михайленко,
профессор, Уральский федеральный университет*

Аннотация. В настоящее время отношения между Россией и ЕС находятся в нижней точке. Препятствиями для их улучшения называют, наряду с военными вопросами, расхождения исторических и вновь приобретенных ценностей, национальных и геополитических интересов. Исторические традиции могут оказывать влияние на стратегическое мышление политических лидеров. Поскольку стратегическая культура представляет собой социально сконструированную нормативную систему, правящие элиты имеют возможность внести изменения в социальный конструкт, исходя из национальных интересов. В статье используется понятие *mainstream* как комплекс международного поведения и правил, определенных в рамках существующего международного порядка. Если международный субъект пытается бросить вызов глобальному порядку или насильственно осуществить его ревизию, то правящие элиты должны адекватно оценить собственные и международные ресурсы, чтобы не навредить национальным интересам и безопасности. В статье сравниваются отстаиваемые Россией «традиционные» ценности и западные «либеральные» ценности и отмечается, что различия между ними не являются препятствием для сотрудничества России и ЕС. Основная проблема в отношениях между ЕС и Россией находится в области принятия геополитических решений. Наступательная внешняя политика России рассматривается европейскими политиками и экспертами как геополитический вызов ЕС и НАТО. В связи с принятыми ЕС в отношении России санкциями, диверсификацией энергопоставок, перенаправлением глобальных цепочек поставок и т.п., ни один прагматичный вариант российской политики в отношении ЕС не сможет вернуть доверия и отношения к прошлому сотрудничеству. России и ЕС предстоит заново выстраивать отношения, обратившись к опыту США и Китая на принципах «комплексной взаимозависимости».

Ключевые слова: Европейский союз; Российская Федерация; ценности; национальные интересы; геополитика; стратегическая культура; мировой порядок; безопасность; сотрудничество.

Keywords: European Union; Russian Federation; values; national interests; geopolitics; strategic culture; world order; security; cooperation.

Введение

Отношения России и ЕС последнего десятилетия изобилуют взаимными обвинениями и использованием санкционных механизмов, оказывающих разрушительное воздействие на динамику отношений между ними. Количество санкций, которые наложил ЕС на российских предпринимателей и организации, составило около двух тысяч и еще более трех тысяч со стороны неевропейских стран¹. Это больше, чем ввели против Ирана, Кубы и Северной Кореи, вместе взятых. В российском научном и политическом сообществах доминирует два устойчивых объяснения причин обострения отношений: геополитическое и цивилизационное.

---

¹ Sanctions against individuals, companies and organisations. – available at: https://eu-solidarity-ukraine.ec.europa.eu/eu-sanctions-against-russia-following-invasion-ukraine/sanctions-against-individuals-companies-and-organisations_en (date of access: 23.08.2023).

Объединяя обе позиции, Д. Суслов, например, утверждает, что «России и ЕС впервые за все время их отношений надо готовиться к взаимодействию, не ориентированному на выстраивание общего пространства»¹.

В данной статье предпринята попытка рассмотреть состояние и перспективы двусторонних отношений Россия – ЕС под углом ценностных подходов, геополитики и национальных интересов. Автор исходит из того, что внешняя политика обеих сторон представляет собой конструкты, которые являются ответом на внутренние и внешние вызовы. В качестве их обоснования используются подобранные для решения поставленных задач соответствующие идеологемы и мифологемы. В широком плане они оказывают влияние на выбор правящими элитами доминирующей стратегической культуры. В качестве одного из определений стратегической культуры Т.В. Алексеева использует вывод Т. Снайдера о том, что это «совокупность убеждений, подходов, паттернов поведения... достигающая статуса полуавтоматизма, что превращает их скорее в “культуру”, нежели в политику»².

Другим важным элементом нашего анализа является концепция «национальной идентичности». Как отмечают исследователи, национальная идентичность может быть подвергнута ручному моделированию. При этом мифологическая составляющая играет в этом процессе важную роль. Через идентичность конструктивисты и многие реалисты пытаются раскрыть сущность национального интереса. Вместе с тем исследователи обращают внимание на роль «институциональной инерции, которая мешает выбирать, конструировать и экспортировать институты». Смысл этого подхода заключается в том, что «возможности выбора, который делается “здесь и сейчас”, детерминированы выбором, сделанным “где-то и когда-то раньше”»³.

Т.А. Алексеева резюмирует, что «стратегическая культура понимается как социально сконструированная нормативная система, опирающаяся как на социальные, так и на психологические основания, которая, однако, не сводится ни к тому, ни к другому». Лидеры, заключает Т.А. Алексеева, «обладают потенциалом изменения убеждений, верований, ценностей довольно широкого круга людей»⁴.

Определившись с методологическим инструментарием и подходами, обратимся к теме роли ценностей и национальных интересов во взаимоотношениях между РФ и ЕС.

---

¹ Суслов Д. В разных пространствах: новая повестка для отношений Россия–ЕС. – URL: <https://globalaffairs.ru/articles/v-raznyh-prostranstvah-novaya-povestka-dlya-otnoshenij-rossiya-es/> (date of access: 03.09.2023).

² Алексеева Т.А. Стратегическая культура: концепции, эволюция // *Полис*. – 2012. – № 5. – С. 133.

³ Там же. С. 140, 141.

⁴ Там же. С. 145, 146.

«Нормативная сила» ЕС и критика глобального порядка

Происхождение Европейского Союза и его институтов напрямую связано с победой антифашистского блока во Второй мировой войне и формированием Ялтинско-Потсдамского мирового порядка, в основу которого были положены антифашистские идеи, демократические ценности и институты.

На наш взгляд, мировой порядок можно определить как мироустройство, в котором устанавливаются консенсусом или навязываются господствующим государством или группой государств обязательные для всех акторов стандарты правовых норм и правил поведения, цивилизационных ценностей, контролируемые надзором и регулируемые со стороны международных институтов и режимов.

В конструкте «Европейский Союз» нашли претворение идеи европейского гуманизма и нормативности. Вплоть до недавнего времени международная идентичность Европейского Союза ассоциировалась с идеологемой (ценностной концепцией) «нормативной силы»¹. Свод правовых норм и правил *Acquis Communautaire* и другие правовые акты и правила общежития сконструировали и поддерживают нормы поведения для входящих в ЕС государств, субъектов разных уровней и отдельных граждан². Европейский *mainstream* коррелирует с *mainstream* Организации Объединенных Наций. Несмотря на то, что с 1945 г. мировой порядок прошел несколько этапов: от кондоминиума четырех держав, биполярного мира, однополярности и гегемонии США до современного кризиса, характеризующегося постепенной утратой евро-атлантического центризма и вызовом со стороны незападных и авторитарных государств.

В основу современного глобального *mainstream* положен стандарт цивилизованности, который поддерживается ООН и его институтами. В 1945 г. США и Советский Союз сошлись на поддержке концепта демократии как универсальной ценности, которую подкрепляют Всеобщая декларация прав человека, ООН, ЮНЕСКО и другие международные организации и режимы.

На глобальном уровне ЕС отстаивает мировой порядок, в котором имеет место «соблюдение и продвижение прав человека, основные свободы и верховенство права, правосу-

---

¹ Романова Т.А. (2011) Евросоюз как нормативная сила и проблемы ее восприятия в России как барьер на пути политико-правового сближения // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. – Сер. 6. – 2011. – Вып. 1. – С. 52–56.

² Михайленко Е.Б., Михайленко В.И. Внешняя региональная политика Европейского союза. Европейский интеррегионализм: монография. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2019., глава 3.

дие, солидарность, равенство, отсутствие дискриминации, плюрализм и уважение разнообразия культур»¹.

В Официальном обращении Европейской комиссии по предотвращению конфликтов содержалось предложение решать «глубинные причины конфликта» посредством укрепления «структурной стабильности», определенной как «устойчивое экономическое развитие, демократия и уважение прав человека, жизнеспособные политические структуры, здоровая окружающая среда и социальные условия, а также способность контролировать изменения, не допуская конфликта»².

Политики и аналитики из ЕС признают кризис современного мирового порядка. Его решение ЕС видит во внедрении концепции «международного порядка на эффективной многосторонней основе». ЕС продвигает собственную модель «многосторонности», которая противопоставляется более распространенным моделям «многополярности» и «полицентризма»³.

В качестве приоритетной цели были обозначены «усиление роли Организации Объединенных Наций, обеспечение ее всем необходимым для реализации возложенной на нее ответственности и для ее эффективной деятельности»⁴. Безопасность мирового сообщества, считают в Брюсселе, зависит от качества образующих его правительств. «Наилучшей защитой с точки зрения нашей безопасности является мир хорошо управляемых демократических государств»⁵.

Такими, по существу, являются принципы стандарта цивилизованности, которые отстаивает ЕС на международном уровне. За демократическим фасадом ООН происходили отклонения от общепризнанных норм. Но для того и служат типологически обоснованные стандарты, чтобы по ним делать замеры на предмет соответствия *mainstream*.

Российский вызов *мейнстриму* и позиция ЕС

В новой редакции Концепции внешней политики Российской Федерации закреплено «особое положение России как самобытного государства-цивилизации, обширной евразий-

---

¹ Общее видение, единый подход: Сильная Европа. Глобальная стратегия Европейского Союза по внешней политике и политике безопасности. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eu_global_strategy_ru.pdf (дата обращения: 20.03.2022).

² Бископ С. Основы обновленной Европейской стратегии безопасности. – URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2011/05/06/1268031239/European_Security.pdf (дата обращения: 21.03.2022).

³ Borrell J., Mahbubani K., Tooze A., Pirozzi N., Sie Dhian Ho M., Biscop S. A Conversation with High Representative for the EU. European foreign policy in times of Covid-19. May 5, 2021. – available at: <https://geopolitique.eu/en/2021/05/05/european-foreign-policy-in-times-of-covid-19/> (date of access: 12.05.2021).

⁴ Безопасная Европа в лучшем мире. Европейская Стратегия Безопасности. Брюссель, 12 декабря 2003 г. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/30825/qc7809568ruc.pdf> (дата обращения: 12.05.2021).

⁵ Там же.

ской и евро-тихоокеанской державы, сплотившей русский народ и другие народы, составляющие культурно-цивилизационную общность Русского мира». В Концепции обращается внимание на «разрушительное воздействие» вмешательства во внутренние дела суверенных государств «деструктивных неолиберальных идеологических установок, противоречащих традиционным духовно-нравственным ценностям»¹.

В подписанном Президентом РФ Указе «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» было дано определение «деструктивной идеологии» и определены ее основные параметры и угрозы национальным интересам, формы борьбы против деструктивной идеологии².

На законодательном уровне Россия официально противопоставляет «традиционные» ценности западным «либеральным» ценностям.

В связи с вышесказанным уместно задать вопрос о том, насколько ценностные расхождения разделяют ЕС и Россию?

Команда международного «мозгового центра» Greater Pacific Capital не без оснований обращает внимание на то, что современная либеральная демократия сталкивается с внутренней и внешней угрозой в виде национального популизма, который «угрожает самому существованию западной цивилизации». По мнению авторов публикации, соперничество и борьба между либерализмом и национал-популизмом создадут тот фон, на котором будет формироваться новый мировой порядок³.

Если суммировать аналитические материалы, описывающие такое явление, как Illiberalism, то речь идет о современном нелиберальном тренде, который включает широкий спектр идей, концепций, моделей государственной политики, политических институтов и режимов⁴.

После ряда неудач с экспортом демократических ценностей и институтов (наиболее показательным примером была «арабская весна») ЕС изменил стратегию в отношении нелиберальных государств, ставя во главу угла поддержку их стрессоустойчивости (resilience) как

---

¹ Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 г. № 229. Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/49090> (дата обращения: 10.09.2023).

² Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 10.09.2023).

³ National Populism and the New World Order. – available at: <https://www.greaterpacificcapital.com/thought-leadership/national-populism-and-the-new-world-order> (date of access: 10.09.2023).

⁴ Михайленко В.И. (2021). Illiberalism: Что скрывается за современным политическим феноменом? // *История и современное мировоззрение*. 2021. Т. 3. № 4. – С. 75–79.

гарантию глобальной и региональной безопасности¹. Официальный представитель внешней политики ЕС Ж. Боррель заявляет, что «жизненно важным интересом для Европы является не то, как Китай или Россия относятся к своим гражданам, а то, как они относятся к нам...»; «Санкции следует применять, когда Китай и Россия нарушают наши фактические красные линии в своей внешней политике, а не в своей внутренней политике»².

На наш взгляд, основная проблема в отношениях между ЕС и Россией находится в области геополитики. Европейские эксперты считают, что Россия в последние годы нарушила восемь крупных международных договоров и соглашений, начиная от Будапештского меморандума 1994 г., согласно которому Москва обязалась уважать территориальную целостность Украины, до Договора о нераспространении ядерного оружия 1968 г., который запрещает ядерные угрозы против неядерных государств. Поражение России в СВО они считают главным условием обеспечения глобального ядерного порядка³.

В свою очередь российский Президент и министр иностранных дел заявляют о том, что в настоящее время Запад ведет с Россией настоящую войну⁴.

В качестве ответа на наступательную российскую внешнюю политику ЕС обращается к геополитике и стратегической автономии. В рамках политических дискуссий в ЕС бельгийский аналитик С. Бископ предлагает пересмотреть глобальную стратегию ЕС, чтобы сделать ее более «геополитической»⁵. Ж. Боррель уточняет, что «мы должны научиться говорить на языке силы»⁶. Анализируя российскую СВО, С. Бископ приходит к выводу, что она «перевернула геополитику в Европе», «сложилась новая геополитическая ситуация». Россия «пытается обойти Европу с флангов, она устанавливает особые отношения с Турцией, укрепляет свои позиции на Ближнем Востоке в Сирии, расширяет влияние и военное присутствие в

---

¹ Романова Т.А. (2011) Евросоюз как нормативная сила и проблемы ее восприятия в России как барьер на пути политико-правового сближения // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Сер. 6. – 2011. – Вып. 1. – С. 52–66.

² Borrell J., Mahbubani K., Tooze A., Pirozzi N., Sie Dhian Ho M., Biscop S. A Conversation with High Representative for the EU. European foreign policy in times of Covid-19. May 5, 2021. – available at: <https://geopolitique.eu/en/2021/05/05/european-foreign-policy-in-times-of-covid-19/> (date of access: 12.05.2021)

³ Blank S. (2023) The War against Ukraine and Russia's Position in Europe's Security Order // *AI Commentaries* 23/10 – March 2023. P. 1; Bollfrass A.K., (2022) Herzog S. The War in Ukraine and Global Nuclear Order // *Survival*, T. 64. N 4. P. 7–32.

⁴ Послание Президента Федеральному Собранию. 21 февраля 2023. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70565> (дата обращения: 10.09.2023);

Лавров заявил, что война Запада с Россией уже не гибридная, а почти настоящая URL: <https://tass.ru/politika/16862443> (дата обращения: 10.09.2023).

⁵ Biscop S. Strategic Choices for the 2020s. – available at: <https://www.egmontinstitute.be/content/uploads/2020/02/SPB122.pdf?type=pdf> (date of access: 03.03.2021).

⁶ Borrell J.F. (2021) *European Foreign Policy in Times of Covid-19*. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2021. P. 78.

Африке». «Россия постоянно действует как спойлер, срывая планы Европы, с целью ослабить ЕС и НАТО и отвлечь их от Восточной Европы»¹.

Геополитический тупик и национальные интересы

Что оставляет надежды на поиск выхода из, казалось бы, безнадежной геополитической ситуации?

Отчасти ответ на этот вопрос дает С. Бископ. Он считает контрпродуктивным деление мира на «хороший» демократический лагерь и «плохой» авторитарный лагерь. Интересы ЕС обязывают его работать с нелиберальными государствами, какой бы вызывающей не являлась их внутренняя политика. Внутренняя ситуация в нелиберальных государствах не должна оставаться вне критики, особенно если нарушаются права человека. Однако санкции применяются в том случае, когда возникает внешняя угроза национальным интересам. Несмотря на внутреннюю напряженность, многополярный мировой порядок может оставаться стабильным в течение длительного времени, если государствам удастся договориться о наборе основных правил. Китай стремится изменить баланс сил в свою пользу, однако пока не замечено, чтобы он пытался заменить существующий миропорядок новым².

В настоящее время в Брюсселе идет работа над новой «Глобальной стратегией ЕС 2025». В глаза бросается стремление включить пункты, которые должны усилить избирательность и ограничения в сотрудничестве с государствами, которые бросают вызов ЕС и западному миру. К примеру, в рамках «стратегической автономии» речь идет об «управлении зависимостями и диверсификациями поставок за счет перераспределения и дружественного производства в определенных областях» и «добиваться от Китая реальной взаимности отношений». Предлагается в мягкой форме использовать программу ЕС Global Gateway для того, чтобы способствовать формированию альтернативы в тех региональных странах, где доминирует влияние крупных авторитарных государств³.

Выводы и прогнозирование

В экспертной среде распространено мнение, согласно которому – еще немного времени, и все проблемы в отношениях с ЕС или отдельными странами союза рассосутся, и жизнь

---

¹ Biscop S. War for Ukraine and the Rediscovery of Geopolitics. Must the EU Draw New Battlelines or Keep an Open Door? Egmont Paper 123 – JUNE 2023. available at: https://www.egmontinstitute.be/app/uploads/2023/05/Sven-Biscop_Paper_123_vFinal.pdf?type=pdf (date of access: 11.09.2023).

² Biscop S. War for Ukraine and the Rediscovery of Geopolitics. Must the EU Draw New Battlelines or Keep an Open Door? Egmont Paper 123 – JUNE 2023. – available at: https://www.egmontinstitute.be/app/uploads/2023/05/Sven-Biscop_Paper_123_vFinal.pdf?type=pdf (date of access: 11.09.2023).

³ Ibid.

вернется на круги своя. К сожалению, должен опровергнуть это мнение. Не вернется больше никогда. На данном этапе возможность сближения с ЕС практически нулевая. Зависимость стран ЕС от поставок российских энергоресурсов практически преодолена. Ни один вариант прагматичной политики не может вернуть наши отношения с ЕС к прошлому. Необходимо обсуждать и планировать отношения с соседом, исходя из новой реальности, на которую оказывает влияние ряд факторов.

Прежде всего, пандемия COVID-19 обнажила уязвимые места в «глобальных цепочках поставок» (global supply chains, GVCs), которые привели к неравномерным сбоям в некоторых сферах производства и потребления. На этапе спада пандемии последствия разрыва GVCs привели к падению импорта и экспорта на 25% во всем мире. Оказались разорванными глобальные цепочки производственных связей и поставок. Особенно пострадали такие стратегические области в наименее развитых странах, как здравоохранение, энергетическая и продовольственная безопасность. Отчасти это было связано с тем, что глобальные и крупные региональные акторы стали больше внимания уделять геополитическим рискам. Чтобы справиться с хрупкостью систем снабжения, возникшей в последние несколько лет, и с неопределенностями, связанными с политическими кризисами, которые сотрясают большую часть мира, многие компании и правительства предприняли альтернативные пути к деллокализации и диверсификации, чтобы гарантировать большую близость в снабжении, необходимом для удовлетворения местных потребностей¹.

Постпандемический экономический порядок отмечен обострением технологической конкуренции, особенно в цифровой сфере и производстве полупроводников, между США и Китаем.

В свою очередь ЕС выделил ряд ключевых областей, которые рассматриваются в качестве стратегических, в частности сырье, батареи, активные фармацевтические ингредиенты, водород, полупроводники, а также облачные и периферийные технологии. ЕС определил происхождение стратегических зависимостей и их влияние, а также соответствующие политические инструменты, которые необходимо использовать в этом случае².

---

¹ Liberatore F. Quale «shoring» per le imprese. – available at: <https://www.ispionline.it/it/pubblicazione/quale-shoring-le-imprese-37401> (date of access: 03.02.2023).

² European Commission. Commission Staff Working. Strategic dependencies and capacities – available at: https://commission.europa.eu/system/files/2021-05/swd-strategic-dependencies-capacities_en.pdf (date of access: 04.02.2023).

В новых условиях понятия «reshoring» и производные от него «nearshoring», «friendshoring» и «onshoring» оказались в центре дискуссий политиков и деловых людей относительно путей и инструментов выхода из постпандемического кризиса¹.

По существу, «friendshoring» является завуалированной формой протекционизма, политической лояльности, политического шантажа, применяется в противоборстве США и его союзников против Китая. Это ставит малые и средние страны Юго-Восточной Азии перед выбором и затрудняет им возможность использования политики *хеджинга*.

«Под раздачу» попала Россия не только в связи с продолжением СВО, но и как стратегический партнер Китая. В стратегическом документе, подготовленном внешнеполитическим ведомством ЕС в 2019 г., отмечается, что «за последнее десятилетие экономическая мощь и политическое влияние Китая росли беспрецедентными масштабами и скоростью, отражая его стремление стать ведущей мировой державой. Китай уже нельзя считать развивающейся страной. Это ключевой глобальный игрок и ведущая технологическая сила»². В связи с этим растущее присутствие КНР в мире, в том числе в Европе, должно сопровождаться «большой ответственностью за поддержание основанного на правилах международного порядка, а также большей взаимностью, недискриминацией и открытостью его системы». В документе обращается внимание на необходимость «гибкого и прагматичного общеевропейского подхода, обеспечивающего принципиальную защиту интересов и ценностей». А сотрудничество с Китаем ставится в зависимость от взаимодействия с ним в «поддержании международного порядка, основанного на правилах»³.

Как показывают объективные данные, переориентация России на азиатские рынки и партнерство с Китаем не компенсируют прошлое эффективное сотрудничество с ЕС. Китай ведет себя достаточно сдержанно в поставках продукции, основанной на новых технологиях, и в инвестиционной политике, чтобы не противопоставлять себя западным санкциям⁴. Что касается азиатских рынков, то там идет ожесточенное соперничество между экономическими гигантами, с которыми России трудно конкурировать. Тем более, что ключевым фактором

---

¹ Liberatore F. Quale «shoring» per le imprese. – available at: <https://www.ispionline.it/it/pubblicazione/quale-shoring-le-imprese-37401> (date of access: 03.02.2023).

² European Commission and HR/VP contribution to the European Council. EU China. A Strategic outlook. 12 March 2019. – available at: https://commission.europa.eu/publications/eu-china-strategic-outlook-commission-and-hrvp-contribution-european-council-21-22-march-2019_en (date of access: 05.02.2023).

³ Ibid.

⁴ Lungu A. EU-China relations disintegrating on autopilot. – available at: https://asiatimes.com/2023/02/eu-china-relations-disintegrating-on-autopilot/?mc_cid=f993d70caa&mc_eid=2c6d438fa6 (date of access: 05.02.2023).

роста экономики Южно-Азиатского региона становится цифровая экономика. К 2025 г. она будет оцениваться в 197 млрд долларов (по сравнению с 31 млрд долл. в 2015 г.)¹.

Продвижение администрацией Трампа концепции открытого Индо-Тихоокеанского региона привело к сближению Индии с США в рамках Четырехстороннего диалога по безопасности (QUAD). Обращает на себя внимание включение Индии в программу и рабочую группу сотрудничества Quad Space Working Group².

Сотрудничество четырех государств направлено на сдерживание Китая в Индо-Тихоокеанском регионе; тем не менее, аналитики обращают внимание на ослабление отношений России с Индией, особенно в области военно-технического сотрудничества. Углубляющееся китайско-российское сближение ставит перед Индией вопросы о надежности России в случае конфликта между Индией и Китаем. И наоборот, если Россия будет больше зависеть от Китая, это сделает ее менее желательным партнером для Индии³. Россия выступает против концепции Индо-Тихоокеанского региона, которую она рассматривает как попытку ограничить свою роль в регионе, и вместо этого говорит о своих интересах в Азиатско-Тихоокеанском регионе⁴.

В балансе политических сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе позиция России не является устойчивой. В голосовании по резолюции ООН, осуждающей Россию в связи с проведением специальной военной операции, участвовали 14 государств региона. Только Россия и Северная Корея голосовали против, 7 государств региона воздержались, остальные поддержали резолюцию⁵.

Россия была главным поставщиком оружия для Юго-Восточной Азии в течение многих лет, пока Южная Корея не обогнала ее в 2017 г. После начала СВО страны региона начали пересматривать свое военное сотрудничество с Россией. Филиппины отменили контракт на покупку вертолетов стоимостью 216 млн долларов в пользу американского аналога, и даже

---

¹ Goldman D.A. Digital infrastructure propels new SE Asian Tigers. China's trade with Southeast Asia drives a world-beating economic boom. – available at: https://asiatimes.com/2023/02/digital-infrastructure-propels-new-se-asian-tigers/?mc_cid=be5de4ea65&mc_eid=2c6d438fa6 (date of access: 08.02.2023)

² Reinecke A., Fujita Dutcher M. The Possibilities for Quad Cooperation in Space. – available at: <https://thediplomat.com/2023/05/the-possibilities-for-quad-cooperation-in-space/> (date of access: 06.08.2023).

³ Wishnick E. Ukraine's Ripple Effect on Russia's Indo-Pacific Horizon. Russia's war brings changes to energy security, food security, and geopolitics across Asia. – available at: <https://www.diis.dk/en/research/ukraines-ripple-effect-on-russias-indo-pacific-horizon> (date of access: 06.03.2023).

⁴ Melvin N. Emerging Insights. Russia and Indo-Pacific Security Concept. available at: https://static.rusi.org/277_russia_ip.pdf (date of access: 06.02.2023); Tiezzi Sh. How did Asian countries vote on the UN's Ukraine Resolution? The results make clear the regional differences in attitudes toward Russia. – available at: <https://thediplomat.com/2022/03/how-did-asian-countries-vote-on-the-uns-ukraine-resolution/> (date of access: 07.02.2023).

⁵ Tiezzi Sh. How did Asian countries vote on the UN's Ukraine Resolution? The results make clear the regional differences in attitudes toward Russia. – available at: <https://thediplomat.com/2022/03/how-did-asian-countries-vote-on-the-uns-ukraine-resolution/> (date of access: 07.02.2023).

Вьетнам, который закупал 70% своего оружия у России, своего давнего партнера, рассматривает другие варианты для некоторых систем вооружений¹.

В данный момент азиатские партнеры Москвы в Юго-Восточной Азии более настороженно относятся к военному сотрудничеству с Россией, тем самым открывая возможности для новых поставщиков. И в целом ожидается уменьшение влияния России на ограничение северокорейской ядерной программы и обеспечение безопасности в регионе².

Технологические санкции уже лишили Россию возможности разрабатывать новые энергетические проекты на шельфе и труднодоступные месторождения; ограничили доступ к турбинам, технологиям по строительству современных танкеров, локомотивов, автомобилей, сетей связи нового поколения и других высокотехнологичных продуктов; убрали Россию из мировой дискуссии вокруг искусственного интеллекта и квантовых компьютеров. А значит, России так или иначе придется выстраивать планы будущего развития экономики вокруг торговли энергоресурсами³.

ЕС создал механизм проверки иностранных инвестиций, установил правила, предупреждающие об использовании оборудования 5G от поставщиков, считающихся высоко рисковыми, и работает над внедрением инструмента ограничений на участие Китая на рынке государственных закупок ЕС. Не должны вводить в заблуждение слова председателя Европейской комиссии У. фон дер Ляйен о том, что стратегия ЕС направлена на снижение рисков, а не на разъединение. Вслед за этими ее словами звучит призыв к более настойчивому использованию существующих и новых инструментов для контроля над торговлей и инвестициями, как внутренними, так и внешними⁴.

В будущем доступ к современным технологиям может еще более осложниться. США поставят доступ Европы к важнейшим американским технологиям в зависимость от дальнейшего согласования ЕС с политикой экспортного контроля США.

Подводя итоги, можно констатировать, что современный мировой порядок находится в динамике, суть которой можно определить как усиление позиции и влияния незападных акторов, формирование в ООН группы авторитарных государств и др. Несмотря на почти единодушное признание кризиса либерального мирового порядка, под которым чаще всего

---

¹ Ibid.

² Tiezzi Sh. How did Asian countries vote on the UN's Ukraine Resolution? The results make clear the regional differences in attitudes toward Russia. – available at: <https://thediplomat.com/2022/03/how-did-asian-countries-vote-on-the-uns-ukraine-resolution/> (date of access: 07.02.2023).

³ Прокопенко А. Больше, чем цифры. Как санкции изменили основы экономической политики России. URL: <https://carnegieendowment.org/politika/89633> (дата обращения: 17.09.2023).

⁴ Фон дер Ляйен обусловила отношения ЕС-КНР позицией Китая по Украине. URL: <https://www.interfax.ru/world/893637> (дата обращения: 16.09.2023).

понимается однополюсная гегемония США, можно констатировать наличие в ООН массового консенсуса в поддержке *стандарта цивилизованности*, о котором мы говорили ранее. Какими бы аргументами не руководствовалась сторона, отклоняющаяся от этого глобального *mainstream*, она должна быть готова к тому, что превращается в мирового изгоя. С. Бископ вполне откровенно изложил платформу сотрудничества: «Компромисс с другими силами имеет смысл, конечно, только в том случае, если они соблюдают правила системы, как старые, так и новые»¹.

Для того чтобы не навредить национальным интересам, правящим элитам необходимо ориентироваться на то, чтобы стратегическое мышление, стратегическое планирование были адекватны оценкам современных вызовов. В связи с этим большая ответственность ложится на аналитические центры, которые могли бы сосредоточиться на разработке научно обоснованной тактики и стратегии государственной политики.

Как уже отмечалось ранее, маловероятно, чтобы Россия и ЕС вернулись на прежний уровень взаимоотношений во всех областях. В связи с этим можно обратиться к опыту США и Китая, которые строят отношения на основе «комплексной взаимозависимости». Для этого необходимо сначала расчистить площадку сотрудничества, добившись взаимоприемлемых соглашений в области военной безопасности.

---

¹ Biscop S. War for Ukraine and the Rediscovery of Geopolitics. Must the EU Draw New Battlelines or Keep an Open Door? Egmont Paper 123 – JUNE 2023. – available at: https://www.egmontinstitute.be/app/uploads/2023/05/Sven-Biscop_Paper_123_vFinal.pdf?type=pdf (date of access: 11.09.2023).

ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ НАКАНУНЕ ВЫБОРОВ В ЕВРОПАРЛАМЕНТ 2024 г.

*Олег Каринцев,
политолог*

Аннотация. В статье исследуется политическая конкуренция в европейском парламенте, основу которой составляет партийная система ЕС, включающая коалицию христианских демократов, либералов и социалистов. Анализируются изменения в характере политических систем государств Западной и Восточной Европы, а также Западных Балкан. Характеризуется уровень отношений ЕС – США в преддверии выборов в Европарламент 2024 г.

Ключевые слова: европейская интеграция; Европейский союз; политические партии; Европарламент; расширение ЕС; Западные Балканы; выборы в Европарламент 2024 г.

Keywords: European integration; European Union; political parties; European Parliament; EU enlargement; Western Balkans; European election 2024.

1. Европейский союз за год до выборов в Европарламент

На протяжении 2023 г. в Европейском союзе получили развитие тенденции, проявившиеся ещё в 2022 г., а именно – интенсификация процессов европейской интеграции, оживление переговоров о вступлении в ЕС государств Западных Балкан и постсоветского пространства, закрепление роли ЕС в условиях новой геополитической ситуации и обострения глобальной конкуренции в связи с ростом влияния Китая и других государств с быстро растущей экономикой. ЕС, несмотря на имеющиеся разногласия между его членами и ряд кризисных явлений, всё более заявляет о себе как о единой и сплочённой силе, обладающей стратегическим видением и способностью эффективно отвечать на вызовы эпохи. Стали более чёткими очертания взаимоотношений между ЕС и США – после периода кризиса и стагнации, связанной с деятельностью предыдущей администрации Белого дома. На исходе первого срока администрации Дж. Байдена Евросоюз и Соединенные Штаты вновь вернулись к отношениям тесного сотрудничества и взаимного доверия, что придаёт ясность направлению их взаимодействия в ближайшей перспективе. Стали более предсказуемыми и европейско-британские отношения – после эксцессов Брексита стороны снова вернулись к тесному и взаимно уважительному взаимодействию, уже как самостоятельные игроки и союзники. Осознание необходимости конкурировать с Китаем и поддерживающими его государствами придаёт союзу между ЕС, Великобританией и Соединенными Штатами более прочный и устойчивый характер. Наконец, недавние трения внутри Евросоюза между западноевропейскими и восточноевропейскими странами, отразившиеся в конфликте между Брюсселем и

Варшавой, а также Брюсселем и Будапештом, хотя и не отошли на второй план перед лицом новых вызовов единству и сплоченности Евросоюза, но не представляют собой подобного вызова. Польский и венгерский политические порядки по-прежнему кажутся идущими вразрез с нормами Брюсселя, однако противоречия между европейскими столицами постепенно регулируются на основе переговоров и компромисса.

2. Европейский парламент

В Европарламенте первая половина 2023 г. ознаменовалась повышенным вниманием к обсуждению перспектив принятия новых членов в состав ЕС, подавших заявки в 2022 г., включая Украину, Молдову и Косово, а также ранее Сербию и Боснию и Герцеговину. Основные политические объединения разделяют позицию, согласно которой скорейшее вступление стран – кандидатов в члены Евросоюза необходимо, но должно ставиться в зависимость от выполнения условий членства. Продолжилась линия на создание Европейского политического сообщества, куда могли бы войти страны – кандидаты в ЕС, а также те страны, которые покинули этот интеграционный комплекс (Великобритания). В целом партийная система Европейского союза не претерпела существенных изменений за последнее время – по-прежнему её основу составляет союз Европейской народной партии, Партии европейских социалистов и Альянса либералов и демократов за Европу, что обеспечивает устойчивость европейской политики в последние двадцать лет. Европейская народная партия сумела избежать соблазнов популизма и национализма, в которые она чуть было не окунулась в конце 2010-х годов под угрозой потери электората в пользу правопопулистских партий. Однако в последнее время Европейская народная партия возвращается к своим первоначальным идеям классической христианской демократии, на базе которых было спроектировано Европейское экономическое сообщество в 1950–1960-е годы его основателями Робером Шуманом и Жаном Монне. Партия европейских социалистов также избежала опасностей перерождения в левопопулистскую силу, сохранив фундамент классической европейской социал-демократии, берущей своё начало во второй половине XIX в. Избежали националистической волны и либеральные демократы, которые сохранили основу своей идеологии в виде свободы индивида и ликвидации барьеров между людьми, включая языковые, культурные, социальные и т.д. Благодаря всем этим факторам европейской партийной системе удаётся сохранять баланс и целостность.

3. Накануне предвыборной кампании

За год до выборов в Европарламент десятого созыва, которые состоятся 6–9 июня 2024 г., ситуация мало изменилась по сравнению с тем, какой она была в конце прошлого – начале

нынешнего года. Коалиция из трех партий на европейском уровне – Европейской народной партии, Партии европейских социалистов и Альянса либералов и демократов за Европу – по-прежнему устойчива, а оппозиция в лице националистов и левых популистов пока не имеет шансов на победу. В этой связи можно предположить, что политическая конфигурация Европарламента следующего созыва не будет сильно отличаться от таковой нынешнего – по-прежнему у власти будет та же широкая коалиция. В то же время, в составе нынешней коалиции могут произойти изменения – в частности, имеет все шансы на усиление Партия европейских социалистов, которая восстанавливается после многих лет застоя и внутренних разногласий, в то время как либеральные демократы вряд ли приобретут усиленную поддержку избирателей, так как их электоральная ниша сужается, и многие избиратели переходят к Партии европейских социалистов в её нынешнем, модернизированном варианте. Неучастие в следующих европейских выборах Великобритании также не будет в интересах евроскептиков и приведёт к усилению проевропейских настроений. Созданный при активном участии Великобритании, в частности, Консервативной партии, альянс «Европа консерваторов и реформистов», в основании которого столь же активное участие приняла польская партия «Закон и справедливость», вряд ли сможет сохраниться после выхода Великобритании из ЕС, несмотря на то, что данный альянс был усилен победой одного из его членов, итальянской партии «Братья Италии», на парламентских выборах в Италии. То же самое можно сказать и о других «евроскептических» объединениях, которые во многом держались на поддержке Великобритании. Пока рано говорить о шансах правопопулистского фланга, однако можно предположить, что его будущее зависит от геополитической ситуации.

4. Великобритания при новом правительстве

Весна 2023 г., несмотря на ряд кризисных явлений, показала относительную устойчивость британской партийной системы и отдельных партий, в частности Консервативной партии Великобритании, которая находится у власти уже почти полтора десятилетия. Консерваторам удалось выработать новый вектор внешней политики Великобритании после выхода из Евросоюза, а также укрепить отношения с ключевыми союзниками, в том числе с ЕС и США. Также консерваторы в целом справились с внутренними проблемами и не допустили политического кризиса в стране, остановили центробежные тенденции и закрепили за страной роль глобального игрока. Их основные конкуренты не выглядят столь выигрышно – Лейбористская партия так и не смогла преодолеть внутренний кризис, связанный с противоречиями между профсоюзным крылом, выступающим с более радикальных позиций, и истеблишментом партии, разделяющим установки компромисса и «третьего пути» в стиле То-

ни Блэра и его наследия. Либеральные демократы, наиболее проевропейская партия, активно сопротивлявшаяся выходу Великобритании из ЕС, не нашла своего места в нынешней партийной конфигурации, оставаясь небольшой политической силой, отражающей настроения международно-ориентированного среднего класса. Шотландская национальная партия, так и не добившись выхода Шотландии из Соединенного Королевства и сохранения Шотландии в ЕС, испытала на себе кризис руководства и в настоящее время пытается найти свою нишу в новых партийно-политических реалиях Соединенного Королевства после Брексита. Сошёл с политической арены страны и британский евроскептицизм – выполнив свою основную задачу по выходу Великобритании из ЕС, евроскептицизм утратил смысл своего существования как отдельного, особого направления британской политики, растворившись в среде идейно близких к нему консерваторов и примыкающих к ним партий из Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии.

5. Выборы в сейм Польши

Выборы в польский сейм 15 октября 2023 г. являются, по всей видимости, своеобразным тестом на европейские перспективы Польши в качестве одного из ведущих игроков в ЕС. Судя по опросам общественного мнения, нынешняя правящая коалиция правопопулистских сил удержит лидерство, а оппозиция по-прежнему останется вне правительства. Вместе с тем правящая коалиция в Польше неоднородна, и в неё входят, помимо явно правопопулистской партии «Закон и справедливость» во главе с Ярославом Качиньским, гораздо более либеральные и солидные республиканцы во главе с депутатом Европарламента Адамом Биланом. Последний, хотя и был некогда одним из архитекторов «моральной революции», приведшей к власти братьев Качиньских, в 2010 г. вышел из состава «Закона и справедливости», приняв участие в политическом проекте «Европа консерваторов и реформистов» в качестве отдельной политической силы. К тому же заслуживает внимания тот факт, что участник правящей в Польше коалиции в качестве её независимого члена, президент Польши Анджей Дуда скорее примыкает к правоцентристскому крылу «Закона и справедливости», чем к откровенно националистическим и традиционалистским силам вроде «Суверенной Польши» во главе с Збигневом Жиубро – партии, которая также является членом правящей коалиции. Однако возвращение Польши к проевропейскому пути развития связывается с либеральной оппозицией в лице «Гражданской коалиции», которая немногим уступает правым популистам по популярности. Проблемой «Гражданской коалиции» является отсутствие сильного лидера, а власть внутри нее сосредоточена в руках нескольких руководителей, один из которых –

Дональд Туск – некогда был президентом Польши, а затем Председателем Совета Европейского союза. Вместе с тем из-за различного отношения к себе в Польше Дональд Туск вряд ли может рассматриваться как консолидирующая фигура оппозиции. Остальные политические силы сильно уступают лидирующим коалициям и вряд ли представляют собой серьёзных конкурентов ведущим политическим партиям страны.

6. Западные Балканы

Процесс европейской интеграции Западных Балкан пришёл в движение после двух десятилетий вялого развития и пробуксовки на месте. С тех пор, как основные европейские игроки, такие как Германия и Франция, изменили свою позицию относительно расширения ЕС и включения в него государств Западных Балкан, интенсификации процесса европейской интеграции, движение стран данного региона к членству в Европейском союзе заметно ускорилось. В Сербии в состав правительства стали входить силы, чётко ориентированные на европейскую перспективу, а среди сербской политической элиты увеличивается количество тех, кто выступает за нормализацию отношений с Косовом и скорейшее членство в ЕС. Вместе с тем ситуация далеко не простая. Одним из важных пунктов европейской повестки дня является нормализация отношений Сербия – Косово, от которых зависит судьба расширения ЕС на Западные Балканы и перспективы стабильности и безопасности в регионе. Несмотря на то, что обе стороны придерживаются курса на европейскую интеграцию, а Косово подало заявку на вступление в ЕС, обе стороны мало продвинулись за последнее время на пути к данной цели. Сербия, несмотря на серьёзное влияние проевропейских сил, проводит во многом традиционалистскую позицию по различным вопросам, что несовместимо с современными европейскими тенденциями развития, а Косову всё ещё предстоит обуздать коррупцию и нарушение закона, что требуется соответствующими нормами Европейского союза, а также привести свою политику в соответствие с европейскими принципами. И в Сербии, и в Косове у власти стоят во многом националистические партии, которые проводят политику в пользу соответствующих этнических групп, рассматривая стоящие по другую сторону конфликта этнические группы как конкурирующие. Вряд ли у Косова есть серьёзные европейские перспективы, пока у власти находится популистское и националистическое движение «Самоопределение» - перспективы на возвращение к европейскому курсу лежат в духе возобновления традиционной партийной конкуренции между правоцентристами во главе с Демократической партией Косова и левоцентристами, возглавляемыми Демократической лигой Косова. Что касается Сербии, то происходящие в ней перемены связаны со сменой поколе-

ний внутри партий и приходом к власти людей, которые не застали период войны в Югославии 1990-х годов и которые стремятся к скорейшей европейской интеграции страны, не руководствуясь националистическими установками и негативными мнениями в отношении соседей. В этой связи можно предположить, что европейская перспектива для Сербии и Косова настанет в 2030-е годы, когда их партийные системы изменятся в соответствии с новыми реалиями и веяниями времени.

Босния и Герцеговина получила статус официального кандидата на членство, а Черногория и Албания, несмотря на некоторые проблемы с реализацией европейских принципов на своих территориях, уверенно движутся к статусу полноправного членства в ЕС. Северная Македония, согласившаяся на изменение названия страны ради ликвидации разногласий с Грецией и скорейшего вступления в НАТО и ЕС, движется быстрее всего в сторону членства в Евросоюзе. Наконец, Косово, подавшее заявку на членство в ЕС в конце прошлого года, всё более рассчитывает на предоставление статуса официального кандидата на членство в Евросоюзе, поскольку правительства стран Западной и Восточной Европы, вероятно, в итоге признают его независимость в связи со сложившимся статус-кво в регионе и фактическим существованием как независимого государства. Однако главное слово в этом вопросе, конечно, остается за Сербией – и ее правительство, похоже, всё больше склоняется к тому, чтобы признать независимость края, договорившись предварительно о юридически обязывающем соглашении, защищающем сербские интересы в крае. Таким образом, процесс интеграции Западных Балкан в ЕС, начатый еще в начале 2000-х годов, возможно, входит в решающую фазу, когда ЕС обретёт своих новых полноправных членов.

7. Отношения ЕС – США

В последнее время стали более тесными отношения ЕС – США. Три года работы администрации Дж. Байдена ознаменовались позитивным развитием европейско-американских отношений по сравнению с четырехлетним правлением республиканцев при Д. Трампе. В этой связи можно предположить, что в случае победы Дж. Байдена на президентских выборах 2024 г. и избрания его на второй срок отношения ЕС–США продолжат улучшаться, в то время как победа республиканского кандидата, особенно если им станет Трамп, приведет к кризису отношений между ЕС и США, а также к утрате доверия между сторонами. Причина состоит в том, что республиканцы скептически относятся к ЕС и европейской интеграции – и это верно как в случае консерваторов-изоляционистов в духе Дональда Трампа и Патрика Бьюкенена, так и неоконсерваторов-ястребов в стиле Роберта Кейгена или Уильяма Кристо-

ла. Дж. Байден представляет наиболее проевропейское крыло Демократической партии США, в отличие от более радикальных лидеров, таких как Берни Сандерс. Сближению позиций Евросоюза и США в немалой степени способствовало и осознание обеими сторонами неизбежности конкуренции с Китаем, для чего им необходимо объединять усилия. Также усилилось сотрудничество между европейскими странами и США в НАТО, что ранее было затруднено из-за позиции республиканского руководства, которое отдавало приоритет двустороннему сотрудничеству, прежде всего со странами Центральной и Восточной Европы, в ущерб коллективной солидарности. В этой связи Демократическая партия не проводит разделительных линий между «старой» и «новой» Европой, как это делали республиканцы, а стремится наладить взаимодействие с Европейским союзом в целом. В противовес тем, кто утверждает, что ЕС и США – конкуренты друг другу, последние тенденции показывают, что эти два субъекта мировой политики дополняют друг друга, являясь частью единого целого, формируя глобальную систему безопасности в широком смысле этого понятия и оказывая влияние на международные институты, принятие решений в сфере глобальных вопросов.

8. Европейский союз сегодня

Таким образом, по состоянию на середину 2023 г. можно сделать вывод, что в Европейском союзе продолжается развитие интеграционных процессов. Правящая коалиция христианских демократов, социалистов и либералов на европейском уровне упрочила свои позиции, а евроскептическая, правопопулистская и левопопулистская оппозиция в некоторой степени утратили свое влияние. Идеи евроскептицизма не так популярны в Европе, как это было до выхода Великобритании из ЕС. Ведущие западноевропейские государства, такие как Германия и Франция, сохранили за собой лидерство в принятии решений и в формировании повестки дня в ЕС, а Италия, несмотря на правопопулистское правительство во главе с партией «Братья Италии» Джорджи Мелони, проводит в целом проевропейский курс и традиционную политику, не расходящуюся с основными принципами ЕС. Испания и Португалия продолжают оказывать влияние на принятие ключевых решений, будучи активными в переговорах о вступлении новых государств-членов в ЕС. В странах Западных Балкан разморожен процесс европейской интеграции, который долгое время пробуксовывал из-за, с одной стороны, недостаточного упорства лидеров балканских государств в процессе движения в ЕС, а с другой – по причине недостаточно активной позиции ключевых игроков ЕС по вопросу о расширении. Турция, после долгих лет застоя в турецко-европейских отношениях, похоже, разворачивается в сторону возобновления переговоров о вступлении в ЕС. Сербия,

чей путь в Европейский союз оказался более тернистым, чем предполагалось, не сошла с пути интеграции, а Косово, будучи непризнанным рядом европейских государств, не оставляет попыток стать официальным кандидатом на членство в ЕС. В целом можно заключить, что Евросоюз преодолел кризисный период 2010-х годов и под влиянием геополитических факторов начинает новый этап развития интеграции, в ходе которого более значительную роль будут играть вопросы безопасности.

ЕВРОПЕЙСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: СОБЫТИЯ, ОЦЕНКИ, ПРОГНОЗЫ

Выпуск 70(86)

Бюллетень публикуется Отделом Европы и Америки ИНИОН РАН с целью способствовать развитию конструктивного экспертного диалога по проблемам безопасности в Евро-Атлантическом регионе.

Мнения авторов, высказанные на страницах бюллетеня, отражают их личную точку зрения и не обязательно совпадают с позицией ИНИОН РАН.

www адрес:

http://www.inion.ru/index.php?page_id=487

Корректор – Д.Г. Валикова

Компьютерная верстка
и техническое редактирование –
В.Б. Сумерова

**Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук**
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, 117418
<http://inion.ru>

Отдел печати и распространения изданий
Тел.: (925) 517-36-91
e-mail: inion-print@mail.ru

Подписано в свет – 16/X – 2023 г.

Формат 60×90/8   Уч.-изд. л. 2,7